

Елена Леонтьева
Частная
практика

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН

Елена Леонтьева

**Частная практика.
Психологический роман**

«Издательские решения»

Леонтьева Е. М.

Частная практика. Психологический роман / Е. М. Леонтьева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936917-8

Роман Е. Леонтьевой «Частная практика» рассказывает о психологах и их клиентах, о тайнах профессии и мистических переплетениях в судьбах героев, о любви, поиске смысла. В романе вы найдете очень разных героев, все они ваши современники — коллеги, друзья и родственники. Писатель Д. Быков об этой книге: «Эта злая, милосердная, смешная и ни на что не похожая книга лишний раз доказывает, что лучшая психотерапия и есть литература, а переломные времена при всех их минусах здорово ей благоприятствуют». Книга содержит нецензурную брань

ISBN 978-5-44-936917-8

© Леонтьева Е. М.
© Издательские решения

Содержание

Миша Думов и Вася Михайлов хоронят Сталина	8
Дарья Думова – отцы и дочери	14
Натали Монт – поиски решения	33
Подвиг	39
Письмо отцу	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Частная практика Психологический роман

Елена Михайловна Леонтьева

Редактор Ольга Новикова

Дизайнер обложки Владимир Мачинский

Иллюстратор Ольга Лиловая

© Елена Михайловна Леонтьева, 2018

© Владимир Мачинский, дизайн обложки, 2018

© Ольга Лиловая, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-6917-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В написании «Частной практики» мне помогло множество людей. Главная благодарность и любовь – моим клиентам, которые вдохновляют, исследуют, подсказывают, учат и радуют, придавая моей жизни смысл. Низкий поклон моим учителям, семье, психотерапевту и коллегам за совместность в познании человеческого.

мы летим как ракеты

в сияющий космос внутри

Егор Летов

Современный роман не принято сопровождать обращением к читателю. Писатели помоднее фыркнут: «Это так банально, несовременно...» Мол, надобно исполниться нарциссизма и безразличия, делая вид, что читателя не существует. Однако для психолога, измененного навсегда основной профессией, такое совершенно не подходит. Ибо задача сего текста непроста, и без тебя, любезный читатель, никак не справиться. Позволь, автор не станет бубнить себе под нос заумные психологические речи, а если вдруг начнет, останавливай его решительно, требуя вернуться к теме. Ну, или потерпи немного, зевая и проливая вкусный чай на книжку.

Роман написан о людях, которые ходят к психологу, о самых обычных нормальных людях, вовсе не психах, как некоторые думают, а ровно наоборот. Сейчас герои романа толпятся рядом, некоторые кричат, настойчиво дергают, пишут ночью эсэмэски и присылают телеграммы, требуя правды и только правды. Каждый просит слова, вопит о своей уникальности, рассказывает наперебой интересные истории и хочет, хочет, хочет.. Разобраться, понять, пережить, научиться, измениться, внести свое в общее. Все как один хотят быть счастливыми и любимыми.

Конечно, не все согласились быть узванными, поэтому пришлось хорошенько поработать. Некоторым сменить имена, прически и место жительства. Другим, особо стыдливым, пришлось даже поменять пол, но признаемся, это редкое исключение. Всегда найдутся истинные герои, желающие рассказать о важных событиях своих жизней, семейных тайнах и открыть все то, что пришлось так долго скрывать, таить в себе и никому не рассказывать. Большие герои не боятся своих грешков и скелетиков, более того, уверены, что все должны о них знать! Что человечеству станет от этого лучше. В наших разговорах было много споров, доказательств, что человечеству все равно, но настоящие герои всегда добьются своего. Пришлось сдаться. Во избежание скандала герои письменно подтвердили свои желания предстать в романе с их настоящими историями, личными именами и сексуальными предпочтениями. Также отме-

тим, что терапия, показанная в тексте, была супервизирована лучшими специалистами города, за что им – особая благодарность.

Сейчас, оглядываясь назад, видно, что писать про психов было легко. В конце концов, психов держат в специальных местах, строят и содержат для них больницы, учат специальных врачей, чтобы их лечить. Совсем не то с нормальными людьми! Посмотри вокруг, дорогой читатель, куда ни глянь – сплошная норма, представленная миллионами лиц. Как понять? Как выплыть в этом океане людей, считающих себя нормой, как не увязнуть в каше несочетающихся меж собой ингредиентов, как рассказать тебе о том, что известно спецам по этому делу?

Поистине, рассказ о психах более благодарен. Но назад дороги нет, только вперед, дальше, в любопытстве и самых разных чувствах! Дабы выяснить всерьез, что же такое психическая норма и как она живет...

Норма – среднее словечко, предмет тревоги каждого.

Психологам повезло. Люди говорят им, что думают и чувствуют, без цензуры. Не сразу, но тем интереснее. Иногда надо поискать «своего» психолога. Но как только он найден, дело идет. Обычно люди хотят чуда, ждут его от психологов и даже требуют. Или, наоборот, имеют тайную цель доказать, что помочь им невозможно.

Более того, все мы считаем себя психологами, потому что *так и есть*. Без психологии – никуда. Как иначе понимать, что вообще происходит? И все же профессиональные психологи отличаются от обычных. Долгие годы весьма сложного обучения они учатся *осознаванию*. Анализ, наблюдение, эксперимент – в ход идет все, чтобы в тот самый волнующий момент, когда клиент сядет напротив тебя в мягкое кресло, ты бы знал, что делать. Как вообще один человек может помочь другому? Правда ли, что словами лечат, а не только убивают? И как не навредить? Да и самому не сбрендить от чувств и событий в жизни других – незнакомых, посторонних тебе людей, людей из другого мира, из разных социальных слоев, вероисповеданий и философий.

Так вот. Психологом стать непросто. Путь включает в себя долгие годы проживания сложных вещей: больных, любимых, стыдных и неправильных. Прекрасных и сладких, отвратительных и очень горьких. Многие сворачивают с дороги. На пути становится понятнее то, как на самом деле обстоят дела по ходу романа, который каждый из нас пишет, разыгрывает и дает почитать другим.

Один из героев книги описывает терапию так: «У меня была машина. Как-то я с ней управлялся. В основном я на нее орал, а она не слушалась. Сейчас я знаю, что у меня есть колеса, мотор. Очень важно, что у меня есть тормоз. Коробка передач тоже удобная вещь. Парктроник – высший психологический пилотаж! Еще всякие кнопки, рычажки, штучки, механизмы и датчики. Теперь я знаю, как ими пользоваться. Можно лучше понимать, что хочешь...» Он обожает рассуждать о терапии.

Есть и другая сторона медали. Психологов многие считают странными, а идти к ним стесняются. Даже когда идешь к проктологу, можно представить, что будет происходить. А у психолога – непонятно. «Я никогда раньше не был у психолога.» – стандартное начало фразы «дикого» клиента. То ли жизни будут учить, то ли диагноз поставят. Скажут, что делать, и кто виноват? Расскажут, как управлять другими людьми?

Но жизнь меняется, и люди не дураки: если им что-то нравится, они рассказывают другим, те – третьим. Так все и работает. Психологи появились даже в самых отдаленных городках нашей необъятной и прекрасной Родины. Даже на Камчатке есть психологи.

Бла-бла-бла, психолог может говорить о себе бесконечно в силу присущей всем профессиям тяги к эгоизму и самолюбованию. Обратимся лучше к филологам. Начали-то мы со слов, которыми люди говорят, когда разговаривают честно. Уважаемые филологи, делая своей задачей создание нормы языка и культуры в целом, доносят до нас мысль о том, что речь влияет на поведение, и злоупотребляющие неправильной или грубой речью, скабрёзными темами

и прочими кунштюками меняют мир к худшему. Уничтожают человеческую культуру и служат тьме.

Но как говорить о жизни честно? Как говорят наши современники с психологами – людьми из шкафа, сидящими в своих кабинетах, как в исповедальнях? Как говорить о себе без страха, если скован жесткими нормами «слова и стиля»? Как говорить о любви, смерти и сексе? А ведь с ними, родимыми, мы совершенно разучились иметь дело.

Со всем уважением к братьям нашим по слову и языку, филологам, лингвистам и просто мастерам слова, автор не может принять ни одну из сторон в битве правильных слов с неправильными и в своем изложении последующих событий использует, без лишней увлеченности, ту фиксацию реальности, которой сам стал свидетелем.

Говорят, Русский язык не подходит для говорения о деталях любовного процесса. Слова или возвышенные, или грубые. Пожалуй, в этой раздвоенности уместается вся соль нашей души – территории между высоким идеалом и неприглядной реальностью будто не существует. Конечно, нет. Могучий Русский здесь совершенно ни при чем. Всему причиной шторы восприятия, диктующие эту раздвоенность. Нам все время хочется быть лучше, чем мы есть на самом деле.

Раздвинем шторы, начав издалека: заглянем на денек-другой в детство старших героев – прекрасных стариков, наших отцов и дедов. Ну вы же знаете, психологи всегда начинают с детства. Ибо детство – приквел, точка сборки, завязка сюжета, который взрослый будет разыгрывать всю последующую жизнь.

Миша Думов и Вася Михайлов хоронят Сталина

Миша Думов проснулся, сладко потянулся в кровати, перевернулся на другой бок и позвал сон обратно. Снилось море. Мягкое блестящее море с сильным отливным течением. Он нырял в море с разбегу, рыбкой, прямо с пирса. Течение хватало и тащило от берега. Неведомая ужасная сила, во сто крат больше его самого, родителей, всех, кого он знал, завладела им полностью. Взяла в плен и играла с ним. И вдруг вышвырнула обратно на берег. Больше не нужен.

Живого моря Миша Думов никогда не видел, но мечтал о нем страстно. Мама говорила – учись хорошо, в Артек поедешь, будет тебе море. Миша старался.

Вылез из кровати и вышел в коридор. Тихо. Радио молчит. Обычно оно болтает без умолку. Бабушка плохо слышит.

Все на кухне. Сидят со странными лицами.

– Что случилось?

Ему никто не ответил. Только отец сказал:

– Садись завтракать.

Мама налила сладкий чай, положила бутерброды с маслом и сыром.

Позвонили в дверь. Вошла соседка, растерянная тетя Катя, преподавательница марксизма-ленинизма. Они с папой работают в одном институте.

– Митя, здравствуй! – Катя обняла папу и горячо зарыдала. – Я не знаю, как жить дальше, Митя! Ты знаешь, что Зинаида Петровна, как узнала... сразу умерла? Сердечный приступ. А «скорая» так и не приехала. Ты представляешь?

– Садись, Катя, я тебе чаю налью. – Папа проводил тетю Катю на кухню, и мама налила ей чаю.

– Я не могу есть, не могу пить! Спроси меня: что самое дорогое для тебя, Катя? Дочка, конечно! И вот скажи: отдай ее, и он воскреснет, – я бы согласилась!

– Катя, ну что ты говоришь... – Папа сжал губы, будто стыдясь за тетю Катю.

Мама отвела глаза.

– Нет, ну правда, что теперь будет? Что теперь с нами со всеми будет?! Я, как только узнала, сразу поняла: история кончилась. Это и есть конец света, Митя... И я живу в этот момент! – Тетя Катя опять заплакала, ее плечи сотрясались и тянулись вверх к жалкому заплаканному лицу.

Миша поставил чашку с недопитым чаем на стол. Бросил вопросительный взгляд на маму. Он ничего не понимал. Мама стояла за спиной тети Кати и сделала знак промолчать. Он незаметно кивнул. Они с мамой хорошо понимают друг друга. Мама рассказывала про разведчиков и молодоговардейцев, которые не выдали секретов фашистам и стали героями. Про своего отца – репрессированного полковника – героя Красной армии тоже ничего не рассказывала, равняться на него не следовало. И Миша Думов учился молчать. Мишка-могила – гордилась им мать.

Он вышел с кухни и зашел к бабушке. Бабушка сидела на кровати в праздничном платье с белым кружевным воротничком. Она улыбалась.

– Бабуль, что случилось? Тетя Катя плачет на кухне...

Бабушка встала, подошла к шифоньеру. На дверце висел небольшой портрет великого вождя и учителя, товарища Сталина.

– Сталин умер, Мишка.

Бабуля сняла портрет с дверцы и убрала его в ящик стола.

Наконец дошло. Сталин умер! Любимый Иосиф Виссарионович, народное счастье, вождь и отец! Мишка вернулся на кухню. Тетя Катя уже не плакала, сидела молча, уставившись в одну

точку. Мама отвернулась и смотрела в окно. Папа застыл неподвижно, повернувшись к плите. На мальчика никто не обращал внимания.

Грудь Миши Думова наполнило тяжелое, не дающее вздохнуть чувство тревоги и обреченности. Он поспешил в школу. Учителя и дети ходили с тревожными испуганными лицами, комсомолцы собирались в отряды, тихо обсуждая что-то страшное. Огромный портрет Иосифа Сталина в черной вуали стоял в вестибюле.

В эту ночь Мишка даже не спал толком, вскакивал, смотрел в окно на реку, ходил по комнате и не мог заснуть. Слова тети Кати про конец света вспыхивали в голове неожиданно, каждый раз не вовремя, когда сон был совсем близко. Слова пугали непонятной ясностью. Ему казалось, что, если он заснет, случится что-то важное. Случится без него, и он не успеет. Что именно «не успеет», каждый раз ускользало из детского сознания. Пошел было к родителям, но они горячо шептались в своей комнате, и он не решился войти.

На следующий день общее молчанье и трагический голос из радио, возвещавший о смерти вождя, о его загадочном предсмертном дыхании Чейна-Стокса и народной скорби совсем придавили мальчика. Родители ушли на работу, бабушка к соседке, поговорить не с кем. Надо идти к Ваське Михайлову, закадычному дачному другу. Могила-могилой, но с Михайловым они друзья – не разлей вода. После школы Миша отправился к другу на Пушкинскую улицу, бывшую Большую Дмитровку. Близко к центру, к Кремлю, к Дому Союзов, где народ прощается со Сталиным.

Вася Михайлов хоть и младше на два года – уже взрослый серьезный мальчик, мечтает стать инженером и создать такое оружие, чтобы никто не решился напасть на его страну. Никогда. Отец погиб в 1943-м в сталинградской мясорубке, обеспечив Советской армии коренной перелом в Великой Отечественной. Последние дни операции «Уран», призванной взять немцев в кольцо, стоили уже дважды раненому отцу жизни. «Ни шагу назад», – повторял никогда ни видевший отца Васька, зачатый во время недолгого отпуска отца с фронта. Мужское воспитание Васька получал в гаражах, где часами валялся под серым трофейным «мерседесом».

Миша Думов вышел на Фрунзенскую набережную, в то время – огромную строительную площадку. Возводится новый район, ставший предметом мечтаний советской элиты. Рядышком с гордыми большими домами имперской, позже названной «сталинской», архитектуры доживают последние денечки деревянные домики с садами и огородами. Стройка работает.

Вся Москва собирается прощаться с товарищем Сталиным. Три дня сотни тысяч человек, никем не организуемые, стягиваются к центру города. Непререкаемая власть исторического события гонит людей в центр Москвы.

Миша быстро дошел до Метростроевской улицы, что полвека спустя вновь станет Остоженкой. Толпы людей со всех сторон подходили к бульварам. Он побрел вместе со всеми, и уже к концу улицы, ближе к Гоголевскому бульвару, толпа становится больше. Люди идут по бульварам в сторону улицы Горького. На многих черные траурные повязки. Некоторые плачут.

Толпа идет медленно, вздыхая грустным чудовищем, и Миша Думов, десятилетний мальчик, чувствует себя частичкой этой толпы, песчинкой в миллионе песчинок, каждая из которых ничего не значит сама по себе. Время тянется ужасно медленно, транспорт почти не работает, и он идет до Васьки непривычно долго. Все афишные тумбы, коих в городе множество, заклеены белой бумагой. Темнеет, и улицы светятся белыми бельмами. Жутковатое чувство глубоко проникает в мальчика.

Дверь в Васькину квартиру открыта. Гигантская коммуналка-муравейник. Под потолком коридора висят разнокалиберные лыжи, санки, кучи потрепанного хлама. По круговому коридору можно кататься на велосипеде. Васькина коммуналка кажется Мише, живущему с родителями и бабушкой в трехкомнатной новой квартире, пределом мечтаний, таинственным замком, полным драгоценных сокровищ.

Вася Михайлов живет вдвоем с мамой в маленькой восьмиметровой комнате. Спит на сдвинутых стульях. Днем их ставят к крошечному обеденному столу, а вечером они превращаются в Васькину кровать. Железная кровать матери располагается за ширмой с китайскими птицами, главным их семейным сокровищем. Васькина мать долго не верила, что муж с войны не вернется. Плакала ночами в подушку. Работала на двух работах. Истово любила Ваську и ради него бешено сцепилась со свекровью за наследство. Предметом спора стали две комнаты в дачном кооперативе «Беркут».

«Беркут» – огромный дачный кооператив с многоквартирными домиками и вековыми соснами – заселялся в основном большевиками первой волны, еще в 30-х, и принадлежал Васькиной бабушке. Бабушку за глаза звали Гингемой, боялись и распускали сплетни. К «старым» большевикам бабушка отношения не имела, просто купила две комнаты в кооперативе по случаю. Невестку бабушка не любила и в «Беркуте» после смерти сына не жаловала.

Обе женщины отличались железным нравом и волей. Молча, без скандалов, как настоящие интеллигентные люди, они сражались друг с другом за власть. Васька навсегда запомнил битву занавесок. Мать вешала занавески в голубенький цветочек. А к вечеру на окнах уже появлялись серые в полоску, повешенные бабушкой. Занавески менялись на окнах несколько раз, и Васька, затаившись, ждал, когда разразится гроза. Сдержанные женщины эмоциям предпочитали поступки, и Васька от греха старался меньше появляться дома.

Апофеозом их конфликта стала невесть откуда появившаяся Надя из Саратова, утверждавшая, что у Васьки есть сводная сестра, Васькиного же возраста симпатичная девочка с веселыми глазами и круглым лицом. Надя показывала ее чёрно-белую карточку, плакала и тоже желала поселиться в «Беркуте». Тут уж расклад сил изменился, и бывшие враги, свекровь и невестка, сплотились против «авантюристки легкого поведения из Саратова». В итоге две комнаты в кооперативе были поделены честно поровну, украсившись разными занавесками. Вася Михайлов подружился на всю жизнь с Мишей Думовым, также живущим в «Беркуте», а женщина Надя укатила обратно в Саратов, не оставив адреса.

От всего этого у Васьки кругом шла голова, он никак не мог понять, кто друг, а кто враг, есть у него сестра или нет, погибший отец – настоящий герой или жалкий изменщик и предатель. Все менялось быстро и непредсказуемо.

Миша нашел друга на кухне. Васька плакал навзрыд. Все плакали, и он плакал. Сидел на большой кухне с тремя газовыми плитами, где кашеварил их коммунальный муравейник, и горевал горе по товарищу Сталину. Рядом варила щи соседка, тетя Ася. Щи она варила вкусные, легендарные, чтоб ложка в капусте стояла, и Ваську, всегда голодного, подкармливала, а от других соседей вешала на кастрюлю замок. Сейчас же зыркала на него злобно:

– Ну что ты рыдаешь, Вася? Бандит ведь умер! Ищас щи сварятся, и пойду посмотрю на него, бандита дохлого, полюбуюсь! – Тетя Ася с чувством выругалась трехэтажно и продолжила варить щи как ни в чем не бывало.

Васька рыдать перестал и замер с открытым ртом. Товарищ Сталин – бандит? Любящий всех советских детей как родной отец, и его тоже, его – Василия Михайлова, ученика 3-го класса, безотцовщину и голытьбу! Бандит?!!

Таким ошарашенным и нашел его Миша Думов, успевший уже обойти по кругу всю коммуналку.

– Вот ты где! Я тебя ищу везде.

– Пошли отсюда, – выдавил Васька и увел друга в коридор.

Вышли в подъезд, встали у большого окна третьего этажа. Улицу перегородили грузовиками, живой солдатский заслон оставил узенький коридор для людей. Люди шли нескончаемым потоком. Миша и Вася смотрели и смотрели на толпу, пока не стемнело. Возвращаться домой смысла не было, и Миша Думов остался ночевать.

На следующий день народу стало больше. Никто уже никуда не шел. Запертая грузовиками улица сжимала в смертельных объятиях растерянную толпу, в почти религиозном экстазе жаждущую попрощаться со своим бого-вождем. Толпа стояла и качалась на месте. Над головами людей, прижатых друг к другу в смертельной близости, стоял непрерывный гул. Толпа стонала, пытаясь вырваться сама из себя. Выхода не было. А новые люди прибывали и прибывали.

Тетя Ася вернулась в коммуналку только к вечеру, рассказывая всякие ужасы. Что, мол, на Трубной была страшная давка и Антихрист Сталин забрал с собой на тот свет невинных людей. Она то шептала страстно, что Сталин пришел, чтобы наказать русских за безбожие и убийство царя, и теперь наказание закончилось, то громко материлась и плакала. Ползли слухи, что московские морги полны раздавленными людьми. Перед ее глазами всю ночь стояла распятая на фонарном столбе полная миловидная женщина с карими глазами навывкате. Белокурые нежные волосы облепили безумное от боли, немного детское лицо. Все звуки из ее нутра выдавила толпа. Ее мужа, высокого тощего офицера, толпа давно унесла вперед, и перед смертью она видела лишь чужие искаженные лица. Никто не мог ей помочь. Солдаты не убрали грузовики. Приказа не было.

А народ подпирал сзади, все новые и новые люди шли прощаться с умершим стальным человеком, при жизни заставившим миллионы людей делать ужасные и великие вещи. Злой могущественный бог, напомнивший недвусмысленно, что такое рабство духа и тела. При жизни, как и положено, бога никто не видел. Посмотреть после смерти хоть одним глазком.

Миша Думов позвонил матери – она волновалась, по Москве расползались зловещие слухи. Он пообещал ей, что будет сидеть у Васьки, пока все не кончится. Но чем больше он убеждал мать в том, что находится в полной безопасности, тем сильнее крепло его желание прорваться и посмотреть на мертвого Сталина. Нутром будущего историка он чувствовал, что не имеет права испугаться и остаться дома как маленький, что будет жалеть об этом всю жизнь.

Васька Михайлов идею поддержал, втихую они попробовали выйти на улицу, но не смогли. Двери дома оказались заперты снаружи. И черный ход тоже. Оставался путь по крышам, короткий и неплохо им известный.

Почти под утро, когда Васькина мать наконец перестала ворочаться, они тихонечко оделись, вышли из квартиры и вылезли на крышу через чердак, увидев неожиданно пустую Пушкинскую улицу со следами грандиозного побоища. Сотни галош и башмаков, потерянных людьми в давке, валялись повсюду.

Дети долго глядели вниз. В предрассветной мгле кучи одежды и ботинок казались лежащими людьми. Словно лежат те люди, стоны которых они слышали днем.

Прижавшись друг к другу, дрожа от холода мартовской ночи, два мальчика, которым предстоит прожить жизнь неподалеку друг от друга, сидели молча на крыше. В их душах бушевали чувства. Один, навсегда испуганный, всю жизнь будет пытаться побороть детский страх жестокого бога. Жуткий страх перед высшей силой, которая была везде, все слышала и за все наказывала. Даже самые маленькие грешки считались большими преступлениями. И рассказывать о них никому нельзя.

Он потратит жизнь, пытаясь избавиться от этого страха, становясь то тираном, то жертвой. Будет бороться с тиранами большими и маленькими, мечтая о власти и ненавидя ее одновременно. Второй сохранит в душе тоску и горечь утраты доброго бога-отца, свидетелем обычной смерти которого ему суждено было стать. Он простит богу многое, оправдывая и любя его за хорошее, а не плохое. В Сталине он видит отца, который любил его, лично его как родного сына. Что бы ему потом ни говорили. Вождя, который победил ужасное зло и навел порядок, человека, который знал, что такое истинное величие замысла.

Эти дети вырастут, станут взрослыми мужчинами и будут много спорить друг с другом, переживут параллельно удачи и падения. Иногда им будет мерещиться новый бог. Они будут, не сознавая, всегда ждать его возвращения. Один от этого будет в ужасе и гневе, другой в восторженной тихой надежде. Они родят и воспитают потомков, которые отвергнут мифологическое понимание реальности, соединят добро-зло в одно и обязательно в нем запутаются. Они даже породнятся друг с другом, но холодные мартовские часы 1953 года сделают их разными людьми в силу несокрушимой власти истинного тирана – *детского впечатления*.

Но это потом, потом, в далеком будущем! Через 30, 40, 50 лет, в следующем веке и новом тысячелетии, а сейчас надо добраться в холоде и по крышам до точки сборки, до мертвого человека, соединившего в себе то, что разъединяет его потомков до сих пор.

Крыши оказались скользкими, чердак, через который они собирались вылезти, закрыт... Они долго искали другой выход, отсиживались на чердаках, замерзли, и Васька даже пожалел о всей затее. Но упрямый Мишка Думов шел вперед. Наконец они вылезли в темный открытый чердак, через него в красивое парадное и вышли на улицу уже совсем близко к цели.

Перед Колонным залом Дома Союзов стоит очередь, хотя сам дом еще закрыт. Когда дети будут вспоминать свое приключение, то напрочь забудут, как стояли в очереди, что за люди были вокруг, о чем они говорили или молчали. Зато ярчайшей живой картинкой врезался им в память сам Сталин, лежащий в красном гробу. Васька открыл рот, когда увидел огромный зал, уставленный раскидистыми зелеными пальмами, похожий на ботанический сад. После морозной холодной очереди и путешествия по крышам дети попали в сказочный мир. Сам Сталин показался им маленьким, старым и совсем не таким красивым, как на плакатах и картинах. Зато красный гроб утонул в живых цветах, а тело лежало на красной подушке и было укрыто красным покрывалом. Над головой Сталина, защищая его сзади, стояли пальмы, отчего вождь советского народа походил на вождя дикого племени, проживающего где-нибудь в джунглях.

Миша Думов вздрогнул от странного впечатления. Впечатление усиливалось тем, что стоящие вокруг члены Политбюро совсем не походили на индейцев или дикарей, наоборот, были одеты в парадные мундиры и лица имели очень серьезные.

Толпа подталкивала их сзади, они прошли мимо Сталина и потом еще много раз оглядывались.

Дарья Думова – отцы и дочери

Все это было давно, покрылось временной коркой, застыло в сознании следующих поколений не то стыдной, не то великой историей бабушек и дедушек, отцов и матерей. Впрочем, будущее эгоистично, и Даша Думова, младшая дочь Михаила Дмитриевича Думова, ставшего историком и специалистом по великим тиранам, мыслит иначе. Такова мода и zeitgeist. К черту предков с их культом личности, развалившейся империей и устаревшими ценностями. Думать надо прежде всего о себе. И работать над собой. Мир открыт, и он общий. А все остальное – способ власти закабалить население. И точка.

23 сентября. День ее рождения, впереди долгий и сложный день. Даша зажмуривается. Сквозь прозрачные шторы пробивается солнце, по пути скользя по ветвям красной, отяжелевшей от спелости рябины. Пора поднимать тело с кровати. Родилось тело вечером, так что до страшной цифры еще есть целый день.

Галя, ее личный психолог, каждый раз возмущается, когда Даша ругает себя за несоответствие журнальным стандартам. Психолог видит в стремлении к рекламной внешности навязанный культурой враждебный и пошлый нарциссизм. Настоящее безумие, которым болеет норма. Даша не согласна. В школе все девчонки хотели быть как Кейт Мосс, а ей с детства до английских худосочий как до Луны. Галя ее просто успокаивает. Сама-то сексуальная красotka в ярко-рыжих блестящих волосах. И фигура что надо.

Даша трет глаза, с трудом слезая с французской деревянной кровати. Изящной и соразмерной во всем. Нетерпеливо ждет только одно поздравление с днем рождения – от Семена. Ждет его с ночи, просыпаясь и проверяя телефон.

На их последней встрече он воодушевленно рассказывал про новые примочки в электронной музыке, про то, какой модный звук у советских синтезаторов. Про немецкий фестиваль, где собирается играть на электронной трубе. С трудом наскреб, чтобы заплатить за обед. Как можно так несерьезно относиться к жизни?

Про отношения и планы – ни слова. А Даша мечтает о серьезных отношениях. Она вообще любит серьезно. И ответственно. И в свои тридцать не хочет тратить время на «без обязательств», «посмотрим, как получится», «я еще не готов», «зачем обязательно что-то решать» и тому подобное. Расхотелось играть ради самой игры. Надоело. Хочется выполнить план, сделать успешный кейс и в конце получить бонус. Но с Семеном особенная история, слишком уж давно они знают друг друга. Есть между ними что-то неуловимое, ради чего она интересуется советскими синтезаторами.

Даша варит кофе. Последние веяния в диетологии объявили врагом завтрак, а не ужин, поэтому завтрак строго запрещен. Очень хочется быть красивой. Два платья на выбор – черное, которое худит, и голубое, которое толстит, зато с красивым вырезом-сердечком. В нем высокая грудь, но попа толстая. Сложный выбор. Оба платья отправляются в парогенератор. Купленный недавно дорогуший парогенератор специально придуман для неуверенной в себе Даши. По крайней мере, одежда выглядит прекрасно. Космически модный стилист-гей, жестко заколотый филлерами по самые уши, запретил носить светлое, даже трусы. А голубой цвет костюма величал «сапфировым», уверяя, что это и есть главный Дашин цвет.

Даша слушает стилиста, психолога, диетолога и изредка фитнес-тренера. В планах астролог, коуч и остеопат. Еще пара-тройка приложений в айфоне. Совершенно необходимых, чтобы стать достойной любви.

Разделяемая многими homo концепция «справедливого мира» в умной Дашиной голове поселилась давно, еще в школе. Лет в семь. За послушанием следует награда. Добро победит зло. Она будет учиться на пятерки, поступит в хороший институт, станет принцессой-профессионалом, встретит принца-профессионала, он спасет ее от самой себя, они пожениются, будут

жить долго и счастливо и умрут в один день. Нескоро, лет в 120. Умом понимая всю наивность детских установок, ничего не могла поделать – они выскакивали как черт из табакерки, при каждом удобном случае. Так что в «справедливом мире» диета, терпение и трудовой подвиг обязаны влиять на поведение интересующих ее мужчин. Но почему-то не влияют.

Здравствуйте, любимые сети и мессенджеры! Поздравления, искренние и дежурные слова, восхищения и пожелания. Красивые букеты, моря-океаны, тортики. Женщины поздравляют публично, мужчины в личных сообщениях. Приятно. От Семена тишина. Зато письмо от московской мэрии – красивая открытка с алой надписью и Юрием Долгоруким на коне. «Прочти меня, Дарья Думова». Даша широко открывает глаза – странное письмо и к тому же не открывается! От московской мэрии можно ожидать все что угодно, ну его...

Может, написать Семену самой? Пригласить к родителям на вечер?

Некоторые люди на фейсбуке поздравляют себя сами, выбирают удачную фотографию, говорят проникновенные слова. Зачем они так делают, будто напрашиваются? Нет, никогда. Не ее вариант. Она хочет, чтобы про ее день рождения помнили по-настоящему. И она гордая. Лучше поддержать игру, затаиться в засаде, мокнуть под дождем, ждать, пока вылетит птичка. Главное – не спугнуть, выждать, пока животное потеряет бдительность, расслабится и станет добычей. Охота в бизнесе возбуждает, в отношениях с мужчинами охотник она никудышный. Вот бы подморозить, исчезнуть загадочно и неуловимо, махнув хвостом. Нетерпение – ее главный грех. Несется впереди паровоза. Психолог говорит, что ее гонит тревога. И, похоже, права. Даша раньше и понятия не имела, что у нее столько тревоги.

Сколько раз подруги и журналы учили ее ждать от мужчины первого шага и правильной последовательности атак и отступлений, но у нее не получалось. Отвратительная мучительная неопределенность. Ничего не происходит, и скучно. Скучно.

Вечером семейный сбор по поводу ее юбилея. У папы с мамой на Фрунзенской набережной. Брат Сережа собирается сообщить всему семейству дату своей свадьбы.

Может, не ходить? Им и без нее будет прекрасно. Обсудят свадьбу, платье, путешествие. Наверняка все потащатся в Лондон изображать брачующихся русских аристократов. Интересно, за чей счет? Зависть и стыд не позволят расслабиться. Они как раз недавно выяснили с Галей, что ей хочется напиваться от зависти и злости. Напиться, кстати, вариант... У нее-то женихов в очереди абсолютный ноль. Зато сама себя содержит с института, и квартиры ей от папы не досталось. Разве этим гордятся? Так, ничего особенного. Деньги она умеет зарабатывать, это верно. Правда, и тратит их сразу. Дорогая съемная квартира, хорошее вино, поездки...

В кабинете ее ждет шикарный букет от компании – огромные фиолетовые гортензии ничем не пахнут, но смотреть на них приятно. Пожалуй, единственное преимущество в дне рождения женщин – тебе дарят цветы. Сегодня важные переговоры, к которым два месяца шла напряженная подготовка. Дистрибуторы из Новосиба готовы к подписанию эксклюзива. Конечно, если удастся убедить трех пузатых богатырей, что ее газированная водичка стоит упорной работы 300 цветастых машинок на сибирских просторах и торговых точках. Предварительные переговоры шли успешно, тридцатистраничный контракт согласован, но сибиряки отличались склонностью *пушиить* в последний момент. Так что можно ждать сюрпризов, несмотря на день рождения. Еще раз вспомнила условия. Нет, отступать некуда. Иначе не видать бонуса за сибирский эксклюзив. А бонус нужен как воздух. А чем еще ей гордиться в этом квартале?

Поздравления, машина, офис, тридцать-сорок звонков, три конференции до обеда, после обеда – переговоры с сибирскими богатырями, испытания новой программы, которая никому не нравится. Программисты *фиксили-фиксили*, но ничего не исправили. Придурки.

Хоть в чем-то повезло. Из-за дня рождения удалось слить вечерний ресторан с сибирскими богатырями. В следующий раз придется тащить их в театр. Хочется есть, но нельзя – уве-

ряет приложение в телефоне. Оно уже просчитало обычное папино меню и недовольно сообщает о превышении лимитов.

Запись к Гале на 18.00, время есть. Даша вызывает такси. Голубое платье уже не нравится. Оно толстое. И не сапфировое. Три человека сказали четко – какой замечательный голубой цвет! Зачем она вообще слушает стилиста? Может, вместо Гали – домой и переодеться в черное? Не вариант. Пропуски оплачивались и обсуждались. Оказывалось, что она действительно «сопротивляется» терапии, не хочет обсуждать неприятное. Сначала она очень злилась на Галю, ей казалось, что психолог ее осуждает. Потом выяснилось, что она сама себя осуждает, а на психолога *проецирует*. Удивительное открытие, неужели она так делает со всеми? Да и не хочется пропускать. Психотерапия делала ее спокойней, уверенней, давала надежду на лучшее. С Галей можно обсудить то, что с другими нельзя.

Кроме всего прочего, факт остается фактом – она изменилась. Взять под контроль выпивку пока не получается, но просвет есть... Не сразу, только через полгода появилось осознание, что она обжирается и напивается не потому, что у нее нет силы воли, а потому что не может выдержать определенных эмоций. И подавляет их. Хорошие девочки из интеллигентных семей не показывают «плохих» чувств. Сначала Даша отказывалась наотрез от таких гипотез, но потихоньку реальность прояснялась. Что-то надо в жизни менять, но что? Время шло. Вот уже и 30 лет – Гамбургский счет и Страшный суд для женщин.

Надо бы переключиться, выдохнуть рабочий день, настроиться на терапию. Подумать, о чем говорить сегодня с Галей. Иначе битый час будет жаловаться на подчиненных и начальников. Выпускать пар. Тридцать минут крыть матом дебилов с работы, каждый из которых считает себя лучше и умнее других. Делать дебилы ничего не умеют и не хотят. Только и норовят спихнуть все на других.

Менеджеры младшего звена вызывают у Даши приступы ярости. Сегодня на утреннем брифинге, закрыв глаза, она видела лицо борзой провинциалки Оксаны, регионального менеджера, яростно бьющееся в жестком контакте с клавиатурой, столом и монитором. Не без ее непосредственной помощи. Региональный менеджер Оксана заслужила зверское убийство за ошибки в контракте с сибиряками, на исправление которых был целый месяц. Оксана все валила на юристов, юристы на Оксану – русский менеджмент во всей красе.

Раньше ей постоянно не хватало времени на терапии. Всего час в неделю – а рассказать хочется многое. Про работу, про мужчин, про родителей, про тело... Постепенно выделялось главное. То, что важно по-настоящему.

Даша распустила густые черные волосы, старательно распрямляемые два раза в неделю. Скинула туфли. Отключила телефон и закрыла глаза. Концентрация на вдохах и выдохах удается с минуту, затем сознание заполняют фантазии... В них так хорошо, спокойно и счастливо. Так уютно и нежно, совсем не так, как снаружи.

Сладостный фантазийный побег нарушает эсэмэска таксиста: он ждет ее около офиса.

У Гали тихо, уютно. Кажется, она совсем не знает, что такое офисная жизнь. Работает на себя, без начальников, без КРІ и командировок. Но каждый день слушать жалобы и нытье чужих людей? Бррр... Как живут люди с другим образом жизни?

Минуту они смотрят друг на друга и улыбаются: не виделись две недели – Даша была в командировке. На этот раз Владивосток – освоение границ империи газировки никто не отменял.

– Все. Тридцать лет. Молодость кончилась, – грустно вздохнула Даша. – Вы тоже так думаете? Вы чувствуете себя старой?

Галя поерзала. Она совсем не чувствовала себя старой.

– Сейчас нет, но в год, когда мне должно было исполниться 30, переживала очень. После дня рождения полегчало, жизнь потекла дальше... И мне хочется вас поздравить. С днем рождения! И кстати, ВОЗ говорит, что молодость теперь до 44 лет считается.

Галя улыбается. Даша ей нравится и кажется очень красивой. Совсем другой, несомненной красотой. Зато в итальянских музеях каждая вторая картина – будто Дашин портрет. Галя, южный человек и любит яркое: черные блестящие волосы, синие морские глаза – с Даши хочется писать картины на библейские сюжеты. Ей очень идет голубой цвет и это платье. Особая, не московская свежесть. Эмоция. И образа, и поведения. То разрыдается за секунду, а через минуту громко смеется и кокетничает. Ребенок-начальник на работе. Отличница и трусиха в личной жизни. Жанр жизни – трагикомедия и истерика, как они вместе выяснили.

Даша поджигает губы. Ей сложно поверить, что Галя с ней искренна.

– Спасибо... Хорошо, конечно, что ВОЗ так щедр, но я ненавижу день рождения. Мне предъявляют счет: «Что ты сделала в свои тридцать?! Чего ты добилась?» – Дашин голос становится мужским и строгим. – «Что ты сделала по-настоящему хорошего? Где твои дети? Где твоя семья? Почему ты не счастлива?» – Библейские губы дрожат. – Раньше мне казалось, что времени много, что жизнь длинная, все как-нибудь само сложится. А пока надо больше работать! Показать, что я могу, доказать другим и себе. Мне же уже скоро сорок, а потом пятьдесят! – В голосе пробивалось отчаяние. – А у меня даже отношений нормальных не было! Я не понимаю ничего – ни в мужчинах, ни в отношениях! Часики-то тикают! Я как старая дева и в старости буду жить с кошками, умру, а они меня съедят... я по телеку видела! – Даша жалела и злилась на себя одновременно.

– У меня ощущение, что это говорите не вы, а кто-то другой. У вас голос даже меняется, – заметила Галя.

– Все вокруг это говорят! Папа, мама, брат, все-все! Они все стоят и спрашивают: где твой жених, где твои дети?! Часики-то тикают! У нас в роду было принято детей рано рожать, в тридцать – уже старая дева. И глаза делают сочувственные – будто я урод недоделанный. У всех получается, а у меня не получается! Мне мама с тринадцати лет рассказывает, что с такими бедрами, как у меня, «рожать легко». Нет чтобы рассказать, как замуж выйти! Сегодня семейный ужин. Брат Сережа объявит о свадьбе. Из Лондона приехал с балеринкой лондонской. Не хочу туда идти. Не мой праздник!

– Про их желания я понимаю, но для меня они не имеют никакого значения. Мне важны ваши.

Галя всегда спрашивала про ее желания. Непривычно. Обычно другие знали ее желания лучше ее самой.

Даша надолго замолчала. Что она хочет? Семья, дети? С детьми скучно. И страшно. Бежать от орущих младенцев – самое правильное действие. Ей казалось, что они орут: «Помогите, помогите!» И пахнут молоком и кашками.

– Я не знаю. Наверное, я не справлюсь, не могу себе представить. Это такая ответственность! Я стану толстой, как бегемот, и из меня будет течь молоко. Меня уже тошнит!

Галя давно закончила кормить малыша грудью, но приятные воспоминания еще остались. И бегемотом она себя не чувствовала, скорее коровой. А ответственность... Человечество справляется с ней давно и беспрецедентно успешно. Женщин будто специально зомбируют всякими глупостями – про здоровых матерей, про правильное материнство, про детские травмы. Про идеальную беременность. Если во все это верить – лучше никогда детей не иметь! У Гали таких клиенток – очередь. Рождение ребенка приравнялось к полету в космос. Такое же редкое и опасное событие. С непредсказуемыми последствиями. Самое естественное для человека дело – размножение – потихоньку становится неестественным и очень опасным. Неврозом. Ее коллега Саша Косулин вдохновенно доказывает, что все дело в регуляции. Мол, нас стало слишком много, и нежелание рожать – просто-напросто биологическая саморегуляция.

– Даша, что вы чувствуете, когда говорите об этом?

– Отвращение и страх. Я боюсь не справиться. Потерять контроль. – Даша обняла подушку и спрятала от Гали глаза. – Я знаю, сейчас вы спросите, что будет, когда я потеряю

контроль. Наверное, я просто убегу или отдам ребенка маме. Разве дети – это приятно? Я всю жизнь слышала только, что с ними тяжело.

– Младенцы вызывают приятные чувства – они теплые, нуждаются в тебе – это приятно. Отвращение бывает тоже. И страх. Возможно, ваш страх связан с ожиданиями вашей семьи. Давайте все-таки разделим ваши желания и желания вашей семьи. Они у вас на данный момент могут быть разными, – объясняла Галя. И вообще проблемы лучше решать по мере их поступления. Разве дети сейчас для вас актуальная тема?

– Да не хочу я детей!! – Даша отбросила подушку в угол дивана. – У меня карьера на взлете! Уйду в декрет – выпаду из обоймы. Не знаю вообще, как к этому приступить... Я отношений хочу нормальных, секса, любви! А то живу как девственница! И вечное стремление доказать маме-папе, что я красивая, умная, лучше всех, иначе любить не будут!

– Ну все же не совсем девственница... – осторожно заметила Галя.

– Да что там было-то? Мой первый секс был ужасным. У него не получалось толком. Это было очень унижительно. Потом он перестал звонить. Я решила, что ему не понравилось. А потом был один придурак, который оказался геем. С сайта знакомств. Признался не сразу. Голову мне морочил три года. Нормальным сексом это сложно назвать. Ну еще были всякие... В основном, киберсекс, ну, вы понимаете? А потом, год назад, появился Семен. То есть, он всегда был. Я его с детства знаю. Наши отцы – друзья детства, на даче вместе выросли, в «Беркуте». В детстве мы дружили, клубнику у соседей воровали, в кино ходили, на пляж. Он тоже пропал. Жил за границей, учился. Лет десять не виделись. А потом вдруг встретились на папином дне рождения, и я влюбилась. Мы ходили с ним раз в месяц в театр, в кино, иногда обедали, но о сексе – ни слова. Типа дружба...

– Дружба.. но вы влюблены в него.

– Влюблена. С утра жду, когда он меня поздравит с днем рождения. Тишина. – Даша нахмурилась. – Может, он асексуал? Это сейчас очень популярно. Мы, правда, несколько раз целовались. Целуется он хорошо. Почему я все время выбираю недоделанных уродов?! Ведь мне уже тридцать лет! И жду от них, что они окажутся прекрасными зайками. Как Джонни Депп! Клянусь, в восемнадцать мне хотелось, чтобы моим первым мужчиной был Джонни Депп! И я родила бы от него ребенка. Красивого черноглазого ребенка. Девочку!

– А от реальных мужчин? – спросила Галя лукаво.

– В реальности таких не могу себе представить, – сказала Даша. – Семен не написал мне и не позвонил. Если бы позвонил, набралась бы смелости и пригласила на день рождения. Но ему все равно. – Даша обидчиво молчала, поджав нижнюю губу. – Он мне сказал, что я слишком эмоциональная, представляете? И не уверен, что может меня долго выдержать. Хотя я ему и сильно нравлюсь. И всегда нравилась. Ну а что я могу с собой поделать? Я такая как есть! Мой *concern* в том, что нет на свете для меня мужчины, понимаете?! Может, это вообще не мое? Что хорошего в семье, никак не пойму... Моя мама ждала три года, пока папа разведется, и дождалась на свою голову! Я так не хочу!

– А как вы хотите? – интересовалась Галя, закусывая свои ярко-рыжие волосы. Была у нее такая привычка – закусывать волосы и иногда наматывать их на нос.

– Как я хочу? – Даша задумалась на секунду – но что тут сложного? Одна из ее любимых фантазий нарисовалась мгновенно. – Ну.. я представлю себе это так: прекрасный майский день. Тепло, но не жарко. Москва, весна, цветет сирень... Летящей походкой выхожу из мая, иду. По Малой Бронной. В белом сарафане, минус 10 кг, ноги длинные, голые и уже загорелые. Видно, что у меня все очень хорошо в жизни.

– Так...

– И захожу в кафе. Нет, сначала в магазин! Я никуда не тороплюсь.

– Вы не работаете в этот день?

– Да, пожалуй, у меня сегодня выходной. Я покупаю очень красивые туфли. Удобные белые туфли. Иду дальше: захожу в кафе или ресторан...

– К примеру, куда?

Даша задумывается.

– Ну, пусть будет «Аист» на углу Большой Бронной и Малой. Дороговато, конечно, но у меня ведь нет проблем с деньгами, верно? Там сидят красивые люди, обедают, пьют вино, курят кальяны, обсуждают важные и интересные дела. Много одиноких мужчин. Один из них ждет меня.

– Судьбоносная встреча? – Галина бровь драматически поднимается.

– Да-да, конечно! Вы же знаете, я люблю как в кино.

– А за столиками голливудские актеры. – Галя смеется.

– Нет! Джонни Депп в прошлом! – Даша делает решительный жест рукой. – Пусть это будет... – Даша недоуменно замолкает. Картинка не всплывает.

– Да-да, как же выглядит принц нашего времени.

– Он, наверное, похож на Марлона Брандо или на моего папу, средних лет... когда он уже стал взрослым дядей, но не превратился еще в старика. Волевой подбородок, широкие плечи, серьезный взгляд. Уверен в себе. Добрый. Сразу видно, мужчина! Бабушка про таких говорит: «от него мужиком пахнет».

– Сколько ему лет?

– Пусть будет старше меня! Лет на пять. Богатый, красивый.

– Женатый?

– Нет! Ни за что! Такие под запретом!

– Итак, Марлон Брандо или папа, средних лет, волевой подбородок, широкие плечи, богатый и неженатый. Ни разу не женатый? – удивлялась Галя.

– Да, действительно, нереально. Ну, ладно... Пусть будет женатый, но давно, в молодости – коротко и неудачно, а потом работа, работа, работа, и не было у него времени, как у меня, например.

– А дети?

– Нет!!! Пусть не будет детей! Это еще хуже бывшей жены! Ко мне всю жизнь брат старший ревнует.

– Итак, что же у нас есть: Марлон Брандо, лет тридцати пяти, один раз коротко женатый, неудачно, при этом богатый и уверенный в себе – как у такого человека не могло быть детей? Это странно. Может, у него со здоровьем проблемы? – предположила Галя.

– Нет! Что вы! Все у него нормально со здоровьем! У него должны быть прекрасные дети, это же отец моих наследников, наследников моего отца, Михаила Дмитриевича!

Даша слегка покраснела и моментально расстроилась.

– Все это ерунда! Не вариант! Что вы думаете, я не понимаю? Я же не дура! – Библиейские губы опять задрожали. – Нужен такой человек, который заметит меня, который захочет быть со мной, которого я не буду бояться. Я хочу нравиться. И не нужны дети. Я с собой разобраться не могу, а с детьми и подавно.

Время сессии заканчивалось, и Даша была этому рада, ей не хотелось развивать опасную тему. Дело вполне может кончиться слезами и опухшим носом на вечер. Толстое платье и опухшее лицо – то, что нужно для тридцатилетия.

Но Галя неожиданно спросила:

– А если бы с Семеном была определенность в отношениях, он бы смог сделать наследников Михаилу Дмитриевичу?

– Хороший вопрос. Я, кстати, никогда об этом не думала. Как ни странно. Он симпатичный, в моем вкусе, лохматый такой. Борода у него модная, как у лесоруба... Галя, вы любите вселять в меня надежды, уж не знаю зачем!

Даша заулыбалась, сама не понимая, почему на душе стало легче. Они тепло попрощались.

Выйдя из кабинета, опять заглянула в инет: сообщений от Семена нет. Зато поздравление от бывшего: задорное заигрывание пиарщика, с которым переспала пару лет назад, после чего он исчез в неизвестном направлении. И приятно, и послать хочется. Как всегда, впрочем. Опять загуляло желание написать и пригласить Семена. Вот бы все удивились, приди она с ним к родителям. Василий Петрович не знает ничего, папа не знает. Знать, по правде, нечего. Если она решится, вдруг он откажет? Неужели даже с днем рождения не поздравит? Ведь написано крупными буквами, что день рождения именно сегодня! Как так можно? За что? Что с ней не так? Почему она позволяет так с собой обращаться?

Ладно, хватит мечтать, дуреха. Если у тебя сегодня день рождения – ничего это не значит. Если тебя не любят, то день рождения ничего не изменит. Пора к родителям на Фрунзенскую.

Сталинский дом с видом на Нескучный сад, речку и Гараж собрал всю семью и ближний круг. Когда она пришла, большая и громкая компания усаживалась за стол Специальные деревянные вставки, которые использовали на больших приемах, превращали стол в гигантское животное, распластавшееся по всей столовой. К нему еще присоединяли маленький столик для детей, прятавшийся под общей скатертью. В Дашином детстве маленький столик ставили отдельно. Но модное помешательство на детях не обошло стороной и это консервативное семейство – дети и взрослые слились за общим столом.

Руководит всем папа – Михаил Дмитриевич Думов. Даша унаследовала от него цвет волос, эмоциональность и потребность в доминировании. Михаил Дмитриевич – потомственный историк и специалист по роли личности в истории. Уважаемый профессор пережил серьезную эволюцию: начав с толстовского провиденциализма, пришел к совершенно противоположным взглядам, буквально влюбляясь в каждого из тиранов, о котором писал очередную книжку, возвеличивая их роль без всякой меры. К пенсии увлекся альтернативной историей – фантазиями о том, как было бы, если бы не было Сталина, Гитлера и иже с ними.

Страстное увлечение большими личностями сочеталось в нем с не менее сильными чувствами к женскому полу. Предпочитал тоненьких, нежных блондинок с богатым воображением. Женат был дважды. Первый раз женился рано, как честный человек «по залету». В двадцать лет, на третьем курсе, окольцованный Михаил Дмитриевич стал отцом старшего Дашиного брата – Сережи. Скороспелая женитьба не позволила утолить большие потребности его романтической натуры. Каждая встреча с очередной нимфой с истфака или филфака (для разнообразия) кончалась бурным романом и долгой связью. Ни женщины, ни тираны не успокаивали вечно ищущего Михаила Дмитриевича. Напротив, тираны и женщины образовывали сложную систему человеческих отношений, с которой Михаил Дмитриевич управлялся виртуозно, но не был ей доволен. По большому счету, он хотел только одного – чтобы все любили его и друг друга. Его больше. Женщин предпочитал исключительно хороших и преданных, ангельское терпение которых можно испытывать годами.

В детстве Даше натура отца казалась ужасно благородной. Она, как многие девочки, отца обожала, мечтала выйти за него замуж и ревновала к первой семье, сводному брату, матери, студентам и аспиранткам. Мечтала, чтобы папа гордился ею, хвалил и во всем поддерживал. Но потихоньку, ближе к тридцати, отец начал вызывать совсем другие чувства. Его нытье про любовь перестало восхищать, а наличие постоянных любовниц, о которых Даша знала, но вынуждена была скрывать от матери, вызывало море отвращения, переходящего в ненависть, и постепенно вызрело в убеждение, что именно отец виноват в ее личных неудачах и разочарованиях.

Все, что он говорил и делал якобы для ее блага, казалось желанием подавить ее. Теперь добрые намерения отца выглядели ненастоящими, лживыми и предательскими. Хорошая девочка Даша не решалась перечить отцу – в прошлом остались шесть лет ненавистной музы-

кальной школы и глупый французский язык, необходимый лишь для выяснения кулинарных изысков. Дальше – больше: папа настоял на социологическом, а ей хотелось на юридический. Дореволюционные адвокаты в своих пламенных выступлениях сводили юную Дашу с ума. Достоевский, любимый писатель юности, описал судебный процесс над Дмитрием Карамазовым столь волнительно, что вызвал в душе черноволосой отличницы желание стать хорошим адвокатом, посвятив жизнь исправлению несправедливостей российского права и оправданию невиновных героев. Но папа презирал юристов, обзывал их стряпчими и жуликами, а при слове «справедливость» фыркал и многозначительно вспоминал самую справедливую в мире Сталинскую конституцию. У Даши не находилось аргументов. Она так и не научилась говорить ему «нет».

Единственная выигранная у отца битва – бросить аспирантуру ради работы. Сейчас она объясняет Гале ту важную победу исключительно заинтересованностью родителей в ее доходах, а вовсе не уважением к ее выбору. Галя в ответ предполагает, что к тридцати Дашу наконец-то посетил переходный возраст, отвержение родительских ценностей и поиск своих собственных. Процесс тревожный и не сказать, чтобы приятный, но, к сожалению, совершенно необходимый, раз уж ей так хочется удачи в личной жизни. Успокаивает, что ситуация типична для ее поколения. Такова норма – оттягивать взросление.

Страшное психологическое слово «сепарация» звучит как приговор, ясный и обжалованию не подлежащий. Но как? Как перестать видеть в других людях отцовскую тень, одобрение и любовь которой заслуживается послушанием? Как смириться с проигрышем женственной матери, на которую она не похожа ни капли? Стать «плохой» дочерью, зажить своей жизнью. Ей так одиноко, а родители есть родители и никогда не бросят.

Михаил Дмитриевич не подозревал о таких изменениях в дочери. После шестидесятилетия он и сам вошел в кризис, все чаще чувствуя тревогу, непонятную тоску и раздражение.

Ему не нравилось, как он выглядит, то и дело появлялись новые неприятные болячки. Обладая прекрасным зрением, никак не мог смириться с тем, что пора одеть очки, постоянно терял их, пока жена не повесила на веревочку. Жалко жаловался дочери, что ему повесили очки на веревочке, как вешают на резиночку детские варежки. Стал выпивать чаще и тоскливее. В нетрезвом виде звонил дочери с долгими разговорами-лекциями – в основном о разнообразных Дашиных предках. Даша ставила папу на громкую связь и, не слушая, делала свои дела. Михаил Дмитриевич с дотошностью преподавателя выводил выгодную мораль – важно уважать родителей и заботиться о них, пока они живы.

Он рассказывал про своего отца – военного историка, уцелевшего во время сталинских репрессий и сумевшего получить квартиру на Фрунзенской набережной. Про учителей русского языка, производителей охотничьих ружей, портных и одного политрука. Михаил Дмитриевич с трепетом относился к черно-белым фотографиям предков. Развесил их в красивых рамках по стенам своего большого кабинета и с гордостью демонстрировал всем новым гостям, рассказывая о каждой фотографии, путаясь в деталях и обстоятельствах, но вдохновенно и с большим почтением. Половину придумывал. Как казалось дочери.

Почитание предков – по большому счету самая авторитетная среди homo религия, стала сознательным выбором Михаила Дмитриевича. Иногда, здороваясь с мертвыми родственниками, кому повезло сделать достаточно фотографий, чтобы не затеряться в прошлом столетии, Михаил Дмитриевич ощущал весь груз ответственности за судьбу рода. Ему хотелось, чтобы предки были довольны. Чем ближе к возрасту мудрости, тем большее беспокойство мучило душу Михаила Дмитриевича. Кто из потомков поставит его фото на полочку? Будут ли о нем вспоминать и какими словами? Михаил Дмитриевич не знал, кому довериться, поскольку семейной системой, которую он создал, мог управлять только он сам. Старая библейская история о передаче отцовского благословения разыгрывалась на фоне русско-украинского кризиса,

возвращения Крыма, падения рубля и жарких дискуссий об исторической судьбе Российского государства.

Дашу разговоры-лекции злили, семейные истории она слушала в пол-уха, ей казалось, что от нее требуют вернуть отцу долг, но она не чувствовала себя должной. Наоборот, винила отца во всем. Да и как это сделать, пока не создана своя семья? Воображаемый избранник должен обладать сходным отношением к семье и жизни, а также внушать непреодолимое биологическое стремление соединить их фенотипические признаки и ценности родов в одно целое. Нерешаемая задача.

Но вернемся к столу! Скоро подадут главное блюдо. Дашина мама суетится с приборами и чистыми тарелками. Мама – классический пример идеальной женщины – мягкой и женственной. Счастливый номер два, высиживший три года в засаде, а точнее, в конспиративной квартире, пока Михаил Дмитриевич страдал, не решаясь развестись. Та самая любовница, построившая свое нечестное счастье. Долгие годы мама восхищалась мужем от души. Он стал для нее не просто мужчиной, а учителем, наставником и отчасти великим человеком, с которым ей повезло жить рядом. Если Михаил Дмитриевич с пьедестала слетал, она брала его, тщательно вытирала, отряхивала и ставила на место. Годами делала вид, что не знает о его изменах.

Как мама это выдерживала, Даша не понимала, но не любила ее за унижение, которое с ней разделяла. В унижении никакого благородства не находилось. И больше всего Даша боялась стать такой же. В мужском доминировании много приятного, если умеешь его терпеть, но вот только позиция Михаила Дмитриевича соблазняла куда больше. Да и времена изменились, матриархат если не на дворе, то уже громко стучится в ворота. От мамы и бабушки ей хотелось взять главное – феноменальную живучесть. Живучесть женщин, которые выживали в любых условиях и не боялись трудностей.

Иногда, сидя на переговорах с клиентами из Сибири, она с удовольствием находила в себе ту самую русскую бабу, которая и коня остановит, и в горящую избу войдет. И обязательно выживет в любой кризис. Дашина бабушка по материнской линии – стальной характер победившего фашизм поколения – не любит жаловаться и с трудом переносит интеллигентское нытье ученого зятя. И Дашины рассказы о сложной жизни в нулевые обрывает своими – голодная эвакуация, после войны вчетвером в одной маленькой комнате, а дед после войны еще и товарища фронтового к себе позвал жить. У того даже следа от родной деревни не осталось, некуда возвращаться. О том, как в 90-е Михаилу Дмитриевичу и маме прекратили платить зарплату и жили они всей семьей с ее «никому теперь не нужного» огорода. Были довольны и на судьбу не роптали, а вы сейчас еду выкидываете ведрами...

Бабушка не хлопочет, сидит в любимом антикварном кресле с черными лебедями, размышляя, выпить ли с ухой рюмку водки. Очень хочется. Она неважно себя чувствует последнее время и вынуждена переехать к дочери. Забот меньше, но приходится терпеть зятя. Учитывая их небольшую разницу в возрасте, всего-то пятнадцать лет, выносят они друг друга с трудом. У бабушки высокий моральный ценз по отношению к мужчинам, и ему соответствует лишь один мужчина – давно покойный муж, тихий человек и ответственный работник советской школы. А зять Михаил Дмитриевич – бабник и недостойный человек, «блестяшка с гнильцой» – именно эту характеристику зятя она сообщает своим подружкам на даче. Мама мечется между ними, перед всеми виноватая.

Бабушка – любимый Дашин человек. Лучшие детские воспоминания связаны именно с ней – вкусно пожаренные черные семечки с солью, самые нежные в мире куриные котлеты с картошкой-соломкой на чугунной сковороде, особый уютный запах детского крема и леденцов. Бабушка не боялась болезней, поражая маленькую Дашу презрением к лекарствам, привычкой обливаться водой со льдом и делать зарядку каждый день, несмотря ни на какие недомогания. Стальной характер и воля к победе любой ценой.

Очутившись в одной семье, столь разные характеры – Михаил Дмитриевич и бабушка – противостояли друг другу во всем. Бабушкино «от суммы не зарекайся», «лучшее – враг хорошего» и тому подобные мудрости выводили Михаила Дмитриевича из себя. Со свойственным интеллектуалам высокомерием, достойным он считал лишь умственный труд, и ставшая нарицательной «бабка в деревне» не должна была служить для Даши авторитетом. В детстве она не понимала, почему папа становится особо придирчив после каникул у бабушки. Михаил Дмитриевич морщил нос и слышал у Даши «отчетливый деревенский прононс», а щелканье семечек считал действием исключительно неприличным.

Маме помогает накрывать на стол ее младшая сестра, точнее, она хотела бы помогать, но годовалый пупс женского пола в платье-пирожном, увенчанном розовым жабо, начинает пищать, как только она делает попытку оставить его на руках Михаила Дмитриевича. Михаил Дмитриевич признает в детях людей лишь с появлением осмысленной речи, а пока с ними нельзя обсудить хотя бы «Слово о полку Игореве», старается поскорее отделаться. На самом деле боится уронить, ибо исполняется панического ужаса от детского крика. Мамину сестру все жалеют: в прошлом году умер от рака ее муж, но взамен родилась внучка, ставшая утешением и большой любовью. Дашина мама вздыхает и завидует – лучше бы она возилась с внуками, чем выдерживала старческие депрессии Михаила Дмитриевича. А Даша надежд на внуков не подает и говорит лишь о работе.

По левую руку от Даши устроился Василий Петрович Михайлов, сосед по дачному кооперативу «Беркут», папин друг детства и по совместительству – отец Семена. Мужчины – закадычные друзья, став успешными профессионалами в своих областях, соревновались во всем и всегда, что делало их отношения непростыми, но весьма прочными. Буквально «с горшка» затеяв нескончаемый философский диалог, друзья обожали спорить. Вот и на женщин смотрели совсем по-разному. Михаил Дмитриевич имел неисчерпаемые ресурсы обожания, а Василий Петрович после развода с Кариной Николаевной, «особенной женщиной», жил одиночкой и на многочисленные попытки старого друга познакомить его с «феноменально красивой» и «очень умненькой» девушкой отвечал отказами. Михаил Дмитриевич дразнил друга «моноголосым романтиком», а Карину Николаевну побаивался.

В итоге, постигая в очередной работе феномен тоталитаризма, пришел к удивительному выводу, что любовь к одной женщине, в сущности, своей ничем не отличается от сознания, ищущего абсолютной власти. Верность и тоталитаризм – явления одного порядка. Михаил Дмитриевич был в восторге от того, что разгадал Василия Петровича, и утверждал, что тот любит Карину Николаевну, как любят Сталина. Смеялся и называл «каринистом».

Василий Петрович обижался, а потом перестал, парировал логичными рассуждениями о любвеобильности Михаила Дмитриевича как проявлении ненасытной тяги к потреблению и примитивному азиатскому капитализму. Такие разговоры они вели, конечно, не на семейных собраниях.

Брат Сережа сидит на другом конце стола, не отрывая глаз от привезенной из Англии невесты. Убедительные отцовские речи про тоталитарный выбор России произвели должное впечатление на Сережино сознание. После института он нашел у себя «европейский ген» и уехал в Европу, сделав то, на что так и не решился Михаил Дмитриевич. Оправдал научные надежды отца и на данный момент обрелся в Оксфорде молодым профессором антропологии. Там он и встретил свою невесту – балерину, дочь новых русских эмигрантов буржуазной волны. На людях Михаил Дмитриевич сыном гордится, но втайне переживает его отъезд как предательство. Это переживание настолько не совпадало с декларацией всей жизни, что в общение с сыном прочно вошло напряжение и неудовлетворенность. Михаил Дмитриевич принципиально не учился звонить по интернету, а телефонные звонки оказывались ужасно дороги и после пары минут беседы на это тактично указывалось.

Даша, наоборот, рада старшему брату. Бросается ему на шею и крепко обнимает, щупает, замечает новые морщинки и модный вельветовый пиджак. Шутит над Сережиной английскостью и предлагает заняться наконец шпионажем в пользу Родины, искупить, так сказать, грехи. Придирчиво осматривает английскую невесту. Против ожидания русская балерина ей нравится, за что получает трехкратный поцелуй в неевропейском стандарте. Дашин любимый приемчик – жаркие поцелуи с иностранцами – те сразу начинают думать об «особой» русской душевности-дикости и теряют бдительность. Даша без брата скучает и хотела бы, чтобы он вернулся домой. Но у Сережи таких планов нет. Тут они плохо понимают друг друга.

Итак, вся компания шумно устраивается за столом. Когда же, наконец, можно будет спокойно поесть?! Даша садится в честь дня рождения во главе стола, выпивает залпом полный бокал красного и рассматривает картину в целом. Родное семейство – тут каждый показывает, кто ты таков и каковы твои перспективы, а все вместе отражают тебя будто в огромном зеркале.

Мужчины громко обсуждают развал российской науки и интриги вокруг выборов в Академии, сплетничают о неизвестных директорах институтов и главах комиссий, лакомых грантах и важных конференциях. Наконец, Михаил Дмитриевич удаляется на кухню и появляется через пять минут, эффектно неся свое знаменитое фирменное блюдо – царскую уху. Он варил ее целую вечность, загружая и вынимая множество разных рыб, добавлял что-то и пришептывал, подливал шампанское для нужного цвета и каждый раз сокрушался, что черная икра стала такой дорогой. Ей бы в черной дыре под названием царская уха – самое место. В лучшие времена папа вообще не пускал маму на кухню. Попасть на царскую уху считалось удачей. Уху, как королеву, ставили в центр стола в старинной фарфоровой супнице. Михаил Дмитриевич разливал ее по тарелкам собственноручно, заботясь, чтобы каждому достался хороший кусочек. Даша обожала папину уху. Пожалуй, лучший подарок на день рождения – улыбнулась она, крикнув от ледяной водки, сопровождающей уху в обязательном порядке.

Василий Петрович любит говорить тосты. Уже подняв рюмку, он с минуту рассматривает Дашу, которую, как все в семье, называет детским именем Дуся.

– Дорогая Дуся! Тот день, когда ты родилась, я помню, будто он был вчера! Твой папа почти успел закончить ремонт к твоему рождению, и мы тащили сюда огромный шкаф! Мы как раз дотащили его до третьего этажа, и тут соседи крикнули, что звонили из роддома. Ты родилась. Твой папа был так счастлив, что уронил шкаф мне на голову! Он очень хотел девочку. И я тоже! Мы его еле дотащили, шкаф этот, кстати.

Даша улыбалась, хоть и слышала эту историю не единожды, а внутренне произнесла: «Зато потом обломались – из Дуси вышел мальчик. И шкаф не зря уронил – уже тогда предчувствовал, что ничего хорошего из меня не выйдет».

– Потом ты росла, росла и превратилась в прекрасную... женщину – умную, сильную женщину, которой мы все гордимся и ставим тебя в пример! – Василий Петрович в конце даже слегка прослезился.

«Раз в году можно и меня в пример поставить, чего уж, толерантность – наше все». Даша не удержалась и хлопнула еще стопку.

– И я от всего сердца хочу пожелать тебе уже перестать так много работать, встретить любовь, создать крепкую семью и подарить папе с мамой наследников!

За столом захлопали и задакали. Дашу слегка повело.

«Да, прямо сейчас выйду из-за стола, пойду на кухню, трахну сама себя и сразу рожу пяток детишек, чтобы вы все были счастливы».

Гости продолжали есть уху, время от времени раздавался очередной восхищенный комплимент и требования рецепта. Михаил Дмитриевич сто раз его рассказывал, но кроме него никто заняться царской ухой не осмеливался. Английская невеста хоть и была русского происхождения, с Сережей говорила на английском и из русских супов знала только борщ. Тщетно пробовала отказаться от странного рыбного супа, но семейное насилие сделало свое дело – она

сделала вид, что отхлебнула водки и попробовала ложечку бульона. Даша уловила вежливое отвращение на тонком лице, и Сережина невеста ей сразу разонравилась.

«Как можно быть такой дурой? Делать вид, что ешь и пьешь... Дура».

Тем временем застольная беседа с достоинств ухи перетекла на обсуждение очередной монографии Сережи о проблемах родства в современном мире. Долго спорили на животрепещущую тему – является жена истинным родственником мужа или нет. Мнения разделились. Одни говорили: с женой можно развестись и перестать общаться навсегда, и вообще, она представитель другой семьи и рода и поэтому по определению враждебна – значит, жена – не родственник. Другие утверждали, что жена и муж – самые что ни на есть подлинные родственники, «одна сатана» и вообще заговор «против всех». Доказывали, что связь остается и после развода и, мол, «бывших не бывает». Все соглашались с мыслью Михаила Дмитриевича, что, если родственники терпят друг друга такими, какими они есть, – это есть главный критерий родства, поэтому и жена с мужем тоже родные.

Брат Сережа настаивал на магистральной мысли своей последней книги: есть лишь один критерий современного родства – устойчивая поддержка связей и обмен ресурсами. «Нет связи – нет родства», – категорично настаивал молодой антрополог. Приводил в пример типичные истории горожан, запертых в нуклеарных семьях как в тюрьмах, одиноких стариков, навсегда отвергнутых братьев и сестер, несмешные истории о дележке наследства, после которой от семей остаются одни руины, кровопролитных разводов, наглядно показывающих детям весь ужас и беспросветность брачных уз. Все эти истории говорили лишь об одном – о потере связей и родства, об ослаблении и дроблении рода.

Даша, о которой все позабыли, встрепенулась на горячей фразе Михаила Дмитриевича: «Вот так живешь, живешь и приходишь к тому, что ничего важнее семьи нет на свете! Если с женой есть совместные дети – она родственник – однозначно! Дети – самая сильная связь!»

Нетрезво покачиваясь на волнах отцовского откровения, Даша неожиданно вынырнула из внутреннего мира во внешний. Слова отца прозвучали лицемерной ложью: а бывшие жены, любовницы и их дети, интересно, – родственники?! *Come on!* А почему тогда их нет за этим прекрасным столом? Почему их не пригласили сегодня сюда есть царскую уху?! Где же эти гребаные связи?!

В этот момент уха окончательно устроилась в желудке, и именинница почувствовала, что опьянела. В теле стало тепло и расслабленно. Однако из глубины поднималась горькая обида. Почему на нее никто не обращает внимания? Вообще-то сегодня ее день рождения!

Словно в ответ на обиженные мысли поднялся папа с бокалом в руках. К этому моменту уха сделалась историей, и все внимание обратилось к огромной бараньей ноге, запеченной Михаилом Дмитриевичем затейливо в травках и овощах. Василий Петрович любезно налил Даше полный бокал вина. Смутно мелькнула мысль: хорошо бы пропустить – после водки вино шло тяжело, но контрмысль: сегодня ее день рождения, и она имеет право выпить много – заставила ощутить удовольствие в руке от тяжелого хрустального бокала.

Мама этими бокалами очень гордилась, и Даше хотелось такие же. На первые бонусы купила сразу двенадцать цветных старинных бокалов, запомнив приятное чувство, что может позволить себе сразу двенадцать, а не высчитывать и собирать по одному, как мама. Все же зарабатывать больше родителей приятно. Правда, она пользуется в основном одним, пурпурным. Для себя. Зато каждый день, а мама только по особым случаям.

Михаил Дмитриевич, вдохновленный успехом ухи и бараньей ноги, захмелевший и добрый, встает напротив Даши:

– Дорогая моя Дусенька, любимая моя дочка! Вот ты и стала взрослой. Тебе, страшно сказать, 30 лет! Я иногда смотрю на тебя и вижу еще маленькой девочкой. Ты родилась такой крошечной, ела, как котенок. Мне казалось, ты есть-то начала только в школе, правда, мама?

Мама молча улыбнулась, кивнув. В мужниной пьесе у нее мало слов.

– А ты помнишь битву титанов – пианино и французский? Ты так хорошо играла на пианино, настоящий талант!

Папины слова укололи сразу, с первого слова.

«А выросла жирная бездарность, понятно, можно не продолжать!»

– Я так мечтал, чтобы ты пошла по моим стопам, ты была необыкновенно умной, одаренной девочкой! И твою диссертацию я до сих пор оплакиваю!

«О Боже, только не это! О-пла-ки-ваю дис-серта-цию! Меня сейчас стошнит!»

Вслух сказала:

– Ну ладно тебе, пап, какая диссертация? Я даже тему свою не помню!

– Зато я помню! «Сдвиг ценностной парадигмы в российском обществе на стыке тысячелетий». Очень важная была тема! Может быть, ты еще порадуешь нас, когда продашь всю газированную воду на земле.

За столом засмеялись. Брат Сережа добавил:

– Это невозможно! Есть вещи, которые невозможно продать до конца! Дуся будет про-давать ее вечно!

«Как смешно! До коллик!»

– Но все это ерунда по сравнению с моим главным тебе пожеланием: я очень хочу, нет, я требую, чтобы ты нашла себе достойную пару и подарила нам с мамой внуков! И желательно поскорее – пока я еще хоть что-то соображаю!

Михаил Дмитриевич подошел к Даше и театральнo, будто Даша первый раз видела детей, показал рукой на спящую и вспотевшую, одетую в ужасающее розовое жабо, внучку маминой сестры.

– Вот смотри, какие замечательные дети рождаются в нашей семье!

Даша совсем расстроилась, силы удерживать оборону заканчивались. Неужели папа не понимает, что унижает ее при всех?

Гости выпили и заговорили о своем. Даша выдохнула и, чтобы отвлечься, достала телефон заглянуть в сети. На часах десять вечера, ее день рождения подходит к концу, а мужчина, на которого она возлагала так много надежд, даже не удосужился ее поздравить. В сердце без жалости поковырялись гадкими железяками. Настроение окончательно рухнуло. Даша налила еще вина.

Настало время десерта, и разговоры перешли на политику. Михаил Дмитриевич и Василий Петрович уже говорили громче обычного, но все еще сидели в креслах.

– Будет, будет война! Всегда все кончается войной. Тирану без войны никуда. Некуда развиваться! Сначала Крым, потом Донбасс, потом что? Мы будем вести войны еще лет двадцать и вы, вы, – Михаил Дмитриевич поочередно тыкал пальцем на Сережу и Дашу, – все это оплатите своими жизнями!

Михаил Дмитриевич, положивший жизнь на изучение тиранов, как и положено увлеченному специалисту, тиранию видел везде, кроме как в себе самом. Василий Петрович возражал:

– Мишка, дорогой, что ты говоришь? Да кто тиран?! Это Путин – тиран? Только потому, что он правит чуть дольше и все помнят, как его зовут? А то, что Меркель правит столько же, тебя не смущает? А ситуация в Штатах? Неужели ты не видишь, что происходит? Мир в хаосе, сплошная неопределенность! Миру нужны точки опоры! Это смешно, но он стал опорой для многих! Его можно бояться, ненавидеть, любить, знать, как его зовут, в конце концов! Зачем его называют самым влиятельным политиком мира?! Это же провокация, его накачивают энергией специально!

Василий Петрович, убежденный государственный, роль личности в истории почитал главной, а Путина обожал. Вслух сетовал только, что тот не женат. Мол, неженатый лидер слиш-ком привлекает внимание всех женщин мира, и это создает сложную историко-биологическую турбулентность. Про себя думал ровно наоборот, гордясь своим и путинским холостячеством.

– Во-о-т! Все, что ты говоришь, и доказывает, что будет война! Лучше войны ничего энергию не накачивает и не структурирует! Но он ее хочет, он хочет принять вызов! Он вырос, окреп, он хочет большего! Ему нужна война, чтобы оставаться у власти вечно. А что потом? Что потом? Скажи мне, что потом, кто его сменит? Революция? Хаос? Феодалная раздробленность? – Михаил Дмитриевич уже подскочил к старому другу вплотную и прожигал того своими яркими, совсем не стариковскими глазами.

Василий Петрович и сам завелся, но старался сдерживаться. После того как Россия в очередной раз приросла Крымом, друзья не разговаривали друг с другом полгода.

– Большая война никому не нужна! У всех своих проблем по горло. Ты вообще понимаешь, где ты живешь? Мы обязаны иметь мощную армию. Тирану, кстати, удалось создать профессиональную армию, способную современно воевать! И, кстати, военные бюджеты американцев – это совсем другие суммы. Зачем же, ответь, твоему идеальному демократическому обществу такая невя... ая армия?! – Неприличное слово иногда нет-нет, да и срывалось с губ Василия Петровича.

Мамина сестра демонстративно закатила глаза, показав на розовое жабо. Василий Петрович недоуменно пожал плечами: «Что вы так испугались? Это ведь просто слова... А девочка их не понимает».

– Ты хочешь, видимо, голодать на старости лет! Мало тебе в детстве голода было. Эти санкции нас погубят! Низкие цены на нефть развалили Советский Союз, как ты помнишь! Народ взбунтуется, и придется давить. Поверь мне, я всю жизнь посвятил этому вопросу. Начать давить гораздо проще, чем кажется! Понимаешь, Васька, тут не надо ничего нового придумывать, все эти рецепты работают со времен царя Гороха. Это просто как дважды два!

Михаил Дмитриевич сел за стол, разлил водку на двоих, как будто за столом больше никого не было. Друзья чокнулись и выпили.

– Союз развалила не дешевая нефть, а предательская элита, как ты помнишь! – парировал Василий Петрович. – Мы обязаны слезть с нефтяной иглы, обязаны! Так и должно быть! Ты когда-нибудь видел, как страшно и плохо героиновым наркоманам, когда их с иглы снимают? Они орут, корчатся, потеют и блюют. И согласны на все. Бежать, убивать и предавать. Все от страха и боли! Вот и тебе страшно, что не будет очередной нефтяной дозы – не будет гранта, который можно будет талантливо распределить, не будет отпуска в Европе, не будет нового холодильника. Тебе просто страшно, что дозы не будет. Вот и вся правда.

Василий Петрович сказал то, что думал. Потом продолжил:

– К интересам страны и народа это никакого отношения не имеет! В интересах народа слезть с иглы и зажить в реальности. Зажить здоровой жизнью! Обращивать землю, кормить себя самим. И смотри, как все изменилось – мог ли ты представить себе еще недавно, что будешь выбирать между фермерскими хозяйствами, чтобы курицу купить? Россия всегда была аграрной страной, и это правильно!

Василий Петрович говорил спокойным голосом, но на дне интонации плескалось настолько осязаемое чувство собственной правоты и веры, что Михаил Дмитриевич растерялся, хоть и уверен, что друг говорит полную чушь. Желать России аграрной судьбы мог только полный дурак, и фермерская курица его не убеждает, хоть и очень вкусна.

Даша выбралась из-за стола: хочется проветриться. И от разговоров тошнит. Завернувшись в пальто, вышла на балкон и закурила стрелянную у мамы сигарету. Дует северный ветер, Даша запахивает пальто поглубже. Ровно напротив, в Нескучном саду, приятно сияет аристократическое кафе. «Вот там бы жить!» – мечтала Даша в детстве. Быть дочкой известного московского графа, живущего в окружении *true* благородной семьи, где не врут, не разводятся, не изменяют, не теряют достоинство, где есть снисхождение и любовь. Где не спорят о политике до крика. Нормальные люди в нормальной семье.

Нескучный особняк парит над речкой и приглашает мечтать. Даша вздохнула, щелчком выкинула недокуренную сигарету, проследив, как она улетает в темные бездны, и вернулась в шумную гостиную.

Россияспасительный разговор близится к развязке. Василий Петрович в ударе:

– И даже если мы будем воевать – это нормально! К сожалению, мы, люди, или как ты, Сережа, говоришь, homo, не научились пока решать все проблемы мирным путем. Мы же животные, в конце концов...

Василий Петрович устало сел обратно за стол и посмотрел Михаилу Дмитриевичу прямо в глаза.

– Мишка, ну ты же историк, ну неужели ты не видишь, что происходит? Ведь происходит то, что происходит всегда! Нас опять просят выполнить свою историческую миссию и объединить Восток и Запад. Нас просто заставляют сделать свою обычную работу! Мы сильно качнулись в сторону Запада последние четверть века – законы, нравы, ценности. Понабрались всего – надо бы переварить... А для этого нужна изоляция. Это неизбежно. Может, люди хоть по своей стране поедят, увидят ее... Поймут, вообще, где и с кем живут! После перестройки, этой катастрофы, у нас опять есть шанс.

Михаил Дмитриевич обиженно махнул рукой.

– Какой же ты идеалист, Вася! Какой шанс у нас есть?

– Мишка, ты никогда не понимал самого главного... Мы несем миру православие. Саму суть христианства. Мы противостоям глобальному проекту. Американцы возомнили себя избранным народом, дело обычное, с многими народами это уже случалось... Они извратили саму суть Христа. Их Христос с Библией в руках и с камнем за пазухой. В них нет свободы, нет истинной любви. Только корысть и отвратительный прагматизм. «Истинная любовь не ищет своего, не мыслит зла...»

Михаил Дмитриевич смотрел на друга сокрушенно. Бывший коммунист Василий Петрович любил в пылу спора гуглить цитаты из Библии, кричать об «истинной любви», становясь вдохновенным проповедником борьбы со звериным рылом либерализма. На пике политического оргазма Василий Петрович легко превращал Христа в Маркса, а Энгельса – в апостола Петра. А Михаил Дмитриевич не мог удержаться от того, чтобы поддеть друга и спросить его,

соответствует ли распределение последнего государственного заказа для его конторы новозаветным принципам и апрельским тезисам. После они надолго ссорились.

Даша вполуха слушала их разговор. Скука смертная. Она ненавидит споры о политике, медицинских реформах, выборах и протесте. Особенно когда спорят папа и Василий Петрович. В какой-то момент они перестают замечать кого-то кроме себя, начинают краснеть, пить, не закусывая, и кричать. Сокрушительные аргументы их не убеждают, поэтому в ход идут пафос, оскорбления и эмоциональный шантаж. Она все время слышала, как они доказывают друг другу, кто из них лучше другого. Так и орали бы в ухо: «Я лучше тебя!» – «Нет, я лучше тебя!»

Английская невеста плохо понимала, о чем спор, с тревогой думая, не превратят ли и ее свадьбу в политический диспут. А смогут ли дружить их родители, думала она и еще больше беспокоилась. Сережа старался развлекать ее, подшучивая над страстными стариками и пытаясь перевести на английский выражение «есть еще порох в пороховницах». Мама со своей сестрой тоже заскучали, к тому же девочка в розовом жабо начинала кукситься.

Спасла ситуацию бабушка. Даша с удивлением обнаружила себя с полным бокалом вина. Сколько она уже выпила?

– Дорогие мои, хватит разговоров! Мы собрались тут, потому что нашей Дусе исполнилось тридцать лет. – В старых глазах появились слезы, и она запнулась.

«Спасибо, что напомнила. Часики-то тикают. Я уж начала думать, что все притащились на политическую передачу». Даша смотрит исподлобья. Напряжение нарастает и колеблется, куда направиться – в злость или слезы.

– Ты моя самая любимая внучка...

«Конечно, любить орущий розовый торт даже для тебя – перебор!»

– И я хочу, чтобы ты, самое главное, была здоровенькой и, конечно же, счастливой!

Гости, вспомнившие про Дашу, бурно поддерживают бабушку. Михаил Дмитриевич и Василий Петрович подливают друг другу и с удовольствием ждут продолжения интересного разговора. Мама ушла заваривать чай. Сережа с невестой обнимаются, выглядят поглощенными друг другом и явно собираются начать разговор о свадьбе.

«Господи, никто из них вообще не знает обо мне ничего и знать не хотят! Им всем наплевать на мои чувства, мои проблемы и мою жизнь! Все это просто маскарад! Семья – это маскарад». Язык внутренних комментариев становится непечатным. До потери контроля остается самая малость.

Даша слушает поздравление бабушки и не слышит, семья кажется ей неродной и безразличной. Они дарят подарки, говорят добрые, не имеющие к ней отношения слова, делятся новостями, шутят и спорят, а потом сплетничают, завидуют, ревнуют и манипулируют.

«Неужели это и есть моя семья? И я такая же? Нет, не может быть».

Даша просит тишины, встает с заглавного места, наливает себе полный бокал вина. Василий Петрович расстраивается, что не успел поухаживать, а бабушка считает, что пора закругляться с алкоголем. Мама принесла заварочный чайник и с улыбкой смотрит на Дашу. Она ждет поздравлений от единственной дочки, ведь за родителей так и не выпили.

Даша не разочаровывает:

– Дорогие мои родители, от всей души хочу вас по-бла-го-да-рить за то, что вы меня родили! – Она с трудом, но все же справляется с сложным словом. Высокая грудь в вырезе голубого платья покрывается красными пятнами.

За столом хихикают: Дусенька набралась.

– Жаль только, меня не спросили! Я бы отказалась от этого сомнительного удовольствия. Вам же совершенно наплевать на меня, признайтесь! Признайся, папа, тебя в сто раз больше заботят проблемы твоих любовниц, чем моя жизнь. А ты, мама, ма-ма, в каком ужасном мире ты живешь! Мне страшно представить, что ты чувствуешь на самом деле! Не удив-

ляйся, папочка, если в один прекрасный день она тебя отравит. Зачем вам нужны мои дети? Для чего плодить несчастных уродов? Зачем вам генетический маскарад? Обязательный маскарад – вот, Сережа, это и есть семья! Скоро и вы присоединитесь к общему веселью! – Даша тыкнула пальцем в сторону брата и его невесты.

Такого поворота гости точно не ожидали, застыв в немой сцене, пока с красивых Дашиных губ срывались некрасивые чувства.

– Как ты смеешь так со мной разговаривать?! – задохнулась в гневе ошарашенная мама.

Василий Петрович внимательно смотрит на Дашу, Сережа закрыл глаза руками.

Папа встал и вышел на кухню.

– Давай-давай! Беги быстрее! Как делать всякую мерзость, так ты первый, а как отвечать – мы так на всех обиделись... – Даша очень похоже показала лицо обиженного Михаила Дмитриевича.

– Даша, девочка, ну что ты разошлась? – Василий Петрович попытался ласково успокоить разбушевавшуюся именинницу.

Но та только набирала обороты. Азарт и прорвавшееся напряжение фонтаном вырывались наружу, злорадное удовольствие подталкивало зайти еще дальше. Говорить правду оказалось удивительно легко и приятно.

– О, старый друг семьи! А что ты не бежишь за папочкой? Вы же как братья, даром, что он считает тебя импотентом и конченым путиноидом. – Даша опять передразнила отца очень похоже. – Это же связи! Семья! Маскарад! – Даша поклонилась в сторону брата Сережи, еще раз отдав честь его монографии. – Ну и куда Россия без вас денется? Ведь пропадет бедняжка сразу! Бедная-бедная Россия! – Даша передразнивала предыдущий разговор, на слове «Россия» немного подвывая. – Да вы оба ничего не понимаете! Оба чушь несете несусветную! Ты, – она ткнула пальцем в дверь кухни, куда сбежал Михаил Дмитриевич, – думаешь, что ты хоть что-то понимаешь в русском народе, в России? Ты сидишь в своем маленьком мирке как в норке и воображаешь, что твоя личность играет хоть какую-то роль в истории! Ты нелеп и даже не представляешь, насколько! И ни во что ты на самом деле не веришь, и уж в Россию в последнюю очередь... Тебя только твои интересы волнуют, твоя доля, твоя власть! Уж поверь мне, я не на научных конференциях штаны просиживаю, а по всей стране катаюсь. Люди, «темная масса», «бабка в деревне», «вата», – Даша тыкнула вилкой в бабушку, – как ты выражаешься, работают, между прочим, живут обычной жизнью, не хуже твоей, а не только деньги пият и гундят, «что в этой стране ничего хорошего не будет»!

– А вы, Василий Петрович, серьезно собрались предложить аграрный путь державе? В каком мире вы вообще живете? Географию изучите, что ли! Провинциалы московские – тошнит от вас! Вы все просрали, за что ваши отцы умирали! Вы все предатели! Предатели на маскараде! Вы счастья желаете, а вокруг вас страдают! Вы о России печетесь, а на детей своих вам насрать! – Даша задохнулась на секунду от крика, села на стул и внезапно тихо укорила Василия Петровича: – А сынок ваш, Семен, меня даже с днем рождения не поздравил...

Лицо Василия Петровича стало ясным и яростным – «про отцов» удар был ниже пояса.

– Даша, ты говоришь очень обидные вещи. Это твой день рождения, ты пьяна, и только поэтому я буду с тобой разговаривать в дальнейшем.

– Но, постойте, постойте! – за душой у Даши остались еще «гранаты». – Самое интересное! Сюр-приз! Я подарю вам нового члена семьи! Вы же хотели больше крепких связей? А вы знаете, что у нашего папочки есть еще один ребеночек? Сюр-приз! Вы не знали? Как ее зовут, кстати? А я вам скажу! На-та-ли! Ее зовут Натали! Что ты, мама, делаешь такое удивленное лицо, будто не знаешь? Есть еще девочки в русских селеньях! Надеюсь, она говорит по-французски и защитила парочку диссертаций!

Неожиданно бабушка, все это время неодобрительно слушавшая внуку, бодро вскочила с кресла с черными лебедями и бросилась к Михаилу Дмитриевичу. Он как раз вышел из кухни, услышав имя Натали.

– Я всегда знала, что ты – сволочь! – и вlepила зятю тяжелую, не старушечью пощечину.

Михаил Дмитриевич растерялся, даже открыл рот: его никогда не били старушки. И что теперь делать? Испугался, что ситуация совершенно вышла из-под контроля. Он не готов рассказывать о Натали, они ведь не знакомы толком! Впервые лет за двадцать покраснел и молча вернулся в убежище – на кухню. Мама ушла за ним. Василий Петрович очень расстроился и не знал, как помочь. Английская невеста уговаривала Сережу исчезнуть по-английски, но он колебался. Про свадьбу объявить сейчас неуместно. Брат сокрушенно смотрел на Дашу и пару раз покрутил пальцем у виска.

Бабушка – советский человек, за спиной которого десятки пылких партсобраний с обсуждением морального облика распутных негодяев, готова обрушить годами сдерживаемый гнев на недостойного зятя, но в правом боку закололо так сильно, что она предпочла уйти в свою комнату пить лекарства. Пила она их в крайних ситуациях, лишь когда костлявая маячила на пороге. Сейчас как раз был такой случай. С ней ушла и мамина сестра, унеся недовольно пищащее розовое жабо.

Еще минуту назад шумная гостиная была свидетелем драматической сцены, а сейчас в комнате остались только именинница, пустые стулья и шкаф, который упал на папу в день ее рождения. Даша закрыла двери в комнату, выключила свет и зажгла свечку.

«Не дожидая до торта, хоть какая-то радость».

Энергия гнева схлынула, и в трезвеющее сознание проникло тяжелое чувство стыда. Что она наделала? Василий Петрович расскажет Семену о ее «истерике», папа и мама перестанут с ней разговаривать, Сережа обидится, она останется совсем одна...

«Какая же я дура! Злобная дура!»

На столе стоит нетронутая «мимоза» – слоеный салат с красной рыбой, закутанный в веселый желток. В центре желтого покрывала буква «Д», выложенная морковкой. Мама готовила специально для нее и даже к чаю не убрала, надеялась, что дочка съест любимый салат. Даша скривилась от слез и пододвинула к себе вазочку с салатом. В «мимозу» падали горькие слезы испорченного дня рождения.

Синий осенний вечер постепенно перетекал в густую ночь. Даша вдоволь наплакалась, наелась «мимозы» и теперь сидит на диване, прижав к животу любимого плюшевого медведя. Медведь – мамина игрушка, с одним глазом и уже давно отреставрированными ногами. И все еще тихо рычит, когда его переворачивают. На потолке загадочно плывут всполохи света от фар проезжающих по улице машин. За дверью постепенно утихают голоса и шумы. Гости расходятся по домам, никто не зашел в гостиную попрощаться. Сил, чтобы выйти самой, попрощаться и попросить прощения – нет, хочется оцепенеть, провалиться сквозь землю, перестать слышать и видеть. Надо ехать домой, Даша вызывает такси и нехотя возвращает мишку на его место, в угол дивана.

Телефон в кармане нежно звякает – пришла эсэмэска. Кто-то запоздало поздравляет.

«Дарлинг, с днем рождения! Желаю терпения дождаться, чтобы все твои мечты сбылись». И все. Вся любовь в день рождения от Семена. Без пятнадцати двенадцать. Терпения. Все мечты сбылись. Лучше, чем ничего?

Собирается, заходит к бабушке в комнату. Та ворчит расстроенно, что устала и в боку колет. Даша просит прощения, целует ей руки, пахнущие леденцами и детским кремом. Бабушка целует в ответ и смотрит вопросительно, видя телефон в руках внучки. Даша морщит нос, не хочет говорить, но все же признается – поздравил Семен.

– Ох, Дусенька, уж поверь мне, я жизнь прожила, ну ни один из них не стоит твоих слез! Ни один, даже самый прекрасный!

- А дедушка?
- А что дедушка? Он тоже не стоил моих слез, а было от чего плакать.
- Дедушка тебя плакать заставлял? Я его почти не помню, но, казалось, он такой мягкий, ты им вертела, как хочешь...
- В тихом омуте черти водятся, Дуся.
- Расскажи!
- Да не хочу я рассказывать. Тебе мало на сегодня откровений? Со всеми перессорилась. Не переживай, помиришься, дело семейное. А ты про эту Натали знаешь что-нибудь? Откуда она взялась? Квартиру, небось, захочет...
- Мне Семен про нее рассказал, они, оказывается, дружат давно, Москва – ты ж знаешь, большая деревня.
- Ох, не знаю, в деревне за такие дела, знаешь... Как же так получилось? Сколько ей лет?
- Она старше меня. И дети есть. Мальчик и девочка.
- Мишка дает! Наш пострел везде успел. Я маме твоей сказала сразу, что с ним нельзя связываться.
- Да ладно, ба, сейчас чего уж, давно дело было, а папа старый уже. Я пойду, устала, такой день длинный, у меня переговоры важные были... С ног валюсь. Как твой бок-то, болит?
- Бабушка махнула рукой: болит, я уж старая, у меня все болит, внимание, главное, не обращать, а то превратишься в развалину.
- Постой, Семен – хороший парень, если нравится тебе – будь умнее, не психуй. Они пугливые, как воробьи, мужики-то.
- Дед тоже такой был?
- Да, тихий такой, весь в себе, что у него на уме, научилась понимать лет через десять только.
- И что же ты делала?
- Да ничего, хвостом не вертела, не изменяла. А может, и надо было, вон, Мишка-то какой шустрый оказался, времени даром не терял. От жены гулял во всех направлениях.
- Ну погоди, как дедушка жениться решил на тебе?
- Ты не сравнивай – в наше время по-другому было, люди по переписке женились.
- Да, сейчас тоже по переписке женятся, смс-роман называется.
- Это я не понимаю, что ты говоришь, а парень Семен хороший, видно сразу. Не бойся его, он сам себя боится. Ладно, иди, я устала. И папу попроси помочь тебе подарки отнести или завтра заезжай за ними.

Вскоре, неловко и обиженно распрощавшись с родителями, Даша вернулась домой на такси. Пока ехала, отчетливо поняла, что тайная дочь Михаила Дмитриевича была тайной только для нее и для бабушки. Все знали. А от нее скрывали и, если бы Семен, друживший с Натали, не проговорился случайно, она бы так и никогда не узнала. Сестра. Старшая. Интересно, они похожи? В детстве ей так не хватало сестры...

Дом встречает темнотой. Даша не зажигает свет, не хочет видеть свое глупое лицо с растекшейся косметикой. Ей не тридцать сегодня исполнилось, а три. Она сваливает в ванну букеты, еле стаскивает с себя не то голубое, не то сапфировое платье и с наслаждением забирается в кровать. Опять хочется плакать. Все-таки Семен ее поздравил. Так скупое, но все же...

Последний раз открывает почту. Кликает на странную алую открытку от мэра – та открывается, и на экране появляется рисованная женщина с узкими глазами и черными косичками. Она беззвучно открывает рот, и на экране возникают черные красивые буквы: «Дарья Думова, город Москва поздравляет Вас с днем рождения! Мы гордимся тем, что в нашем городе живет такой замечательный человек! Ничего не бойтесь, Дарья, мы с Вами!»

Буквы дописываются до конца, открытка рассыпается на множество сердечек и исчезает, а Даша улыбается и засыпает.

Натали Монт – поиски решения

Всю неделю на Ярославке ужасные пробки, и путь в Валентиновку невыносимо долгий. Натали бросила сумку в прихожей и пошла искать сына. Алеша сидит в кабинете на диване рядом с няней и изучает карту Земли. Няня перечисляет названия океанов:

– Это Индийский, это Атлантический, это Тихий...

– А где Громкий? – интересуется Алеша.

Няня с усталыми глазами отвечает:

– Ну вот и мама пришла.

Алеша кидается навстречу и, обнимая за колени, отчитывается:

– Я сам себя сегодня слушался, я – молодец! Няня не плакала! – Сын прыгает вокруг, обнимая за ноги и продолжая докладывать: – Мама, у меня очень взрослая идея: кататься с горки, кидаться пистолетами, чинить трубу и убивать акулу!

Грустное путаное настроение сразу переменилось: сын радуется и веселит. Единственный мужчина, которого она любит без всяких оговорок. Когда Алеша родился, Натали помолодела на десять лет и поняла: вот и родился главный мужчина в ее жизни! Сын похож на нее в важных и принципиальных мелочах: обожает фрукты и живопись.

Натали много размышляет о современном мире, где половая идентичность утратила ясные очертания. Как воспитать «настоящего» мужчину? Такого, чтобы потом женщины говорили ей «спасибо». Ну и чтобы маму любил так, как хотелось ей: преданно и нежно.

Алеша продолжает рассказывать, обнимая за ноги:

– Мама! Сегодня в садике на обед давали крыс! На обед – варенные, на ужин – жаренные! Натали покатила со смеху. Алеша ненавидел есть в садике и каждый день придумывал новые истории.

Она учила сына нежности. Говорить правильные слова: «я люблю тебя», «я твой», «дай я тебя поцелую, дорогая». Сердце таяло. От мужа такого сроду не слышала. А с отцом и вовсе не была знакома. Алеша проявлял искренний и напористый интерес к дамам. Требовал, чтобы мама вышла за него замуж. Возмущался, услышав отказ. Ему исполнилось четыре, и он стал хозяином в семье. Муж часто уезжал в длительные командировки, а когда приезжал, баловал сына без меры. И совсем не воспитывал.

Алеша уверенно претендовал на лидерство и не боялся драться с уже взрослой сестрой. Вера – дочь от первого, «тренировочного» брака, прозванная Грозой, превосходила в весовой категории брата втрое, что ничуть того не смущало. А Натали тайно восхищалась. И даже больно получив пульт по голове от разъяренного сына за выключенные мультики, мать все ему прощала.

С трепетом вспоминала, как беременной воображала, что сын вырастет великим воином и покорит весь мир. Пугаясь явно архаических фантазий, во всем усматривала тайные знаки рождения «настоящего мужчины». Просыпалась в задумчивости – ей постоянно снились мужчины, секс и война. А один сон потряс до такой степени, что пришлось поделиться им с гинекологом. Психолога у нее тогда еще не было. В сонном мире отовсюду вырастали большие члены в эрегированном виде. Гинеколог сказал, что это «от гормонов» и чтоб она не переживала. Ничего подобного во время беременности дочерью Верой Грозой во снах не росло.

Прямо перед родами Алеша на их дачный домик в Валентиновке упала столетняя сосна. Со стороны казалось, что гигантский член дал дому по лбу. Натали и в этом углядела знак свыше. Подозревала, что ее чрево захватила мощная мужская душа и во сне она наблюдает ее внутренний мир.

Долго не решалась признаться психологу в своих возвышенных чувствах к сыну. И лишь после того, как тот заверил ее, что подобные фантазии и чувства являются вариантом нормы

и многие женщины мечтают родить «настоящего мужчину», что является наследием христианской культуры и мощных сил бессознательного, успокоилась. Психолог Александр Львович Косулин также уверял, что неумеренная любовь к сыну вполне может развалить ее брак.

На последней сессии ей удалось сформулировать основную проблему: затяжной семейный кризис, который начался после рождения обожаемого Алеши.

Психолог будто слушал собственную историю, так похожи были расклады чувств в их семьях.

До рождения сына Натали жила «овощной жизнью», считала себя «дурочкой», с чем вполне смирилась, набрала десять кило, купила электрогриль и собаку. С лабрадором Конфуцием сложилась тесная эмоциональная связь. Муж ничем похожим похвастаться не мог. Сексом они занимались редко и без вдохновения, «как зубы почистить». И хотя муж и хотел ребенка, но, как казалось Натали, «чтобы галочку поставить». Сейчас, когда семейный кризис вылился в обоюдных романах на стороне, уговаривал ее родить еще одного. Еще одну галочку поставить и уже ни о чем больше в жизни не думать. С тремя детьми женщины не уходят. Натали хоть и считала себя «дурочкой», но в эту ловушку попадать не собиралась и ответственно пила противозачаточные.

Сын вдохновлял. Похудела, похорошела, занялась пением и астрологией. Внимательно следила за ретроградным Меркурием и составляла гороскопы про арт-бизнес. Продажа современной живописи доход приносила нерегулярный, но независимый от мужа. И еще Натали постоянно влюблялась.

С удивлением узнала от психолога, что, возможно, ее чувства к сыну приняли «дублирующий» оборот, ища более подходящий объект. В ее чувствах к мужчинам было много материнского. Удивляясь себе, рассказывала, что влюбляется в похожих друг на друга мужчин. Долго выясняли, что к чему. Сначала вполне невинное чувство к возвышенному инструктору по йоге с тонким носом, любящему разговоры про свободу от привязанностей. Потом уже серьезный тайный роман с Тимофеем, старшим братом ее друга Семена. В чертах Тимофея также присутствовало изящество. Он любил жаловаться на непонимание и одиночество. Еще на бывшую жену, с которой постоянно ругался на тему воспитания сына. На маму, с которой никогда не был близок. На брата, которому все легко доставалось.

А потом закрутилось круче. Натали влюбилась в клиента. Картины он скупал оптом. Был женат, богат и торговал вином.

За сыновей замуж не выходят, замечал Косулин с улыбкой и предлагал работать над отношениями с мужем. Мол, так и устроено, что от сына надо бы вернуться к мужу. Восстановить общность, опять полюбить... Натали с отвращением качала головой. Говорить на терапии о муже отказывалась. С любовниками чувства били ключом, голова ломилась от мыслей, а сердце от чувств. Так интересно, живо, захватывающе! А с мужем? Что можно изменить? Похороненные в прожитых годах обиды и неудачи чуть что всплывали между ними в ссорах. У каждого был огромный неоплаченный счет друг к другу.

Натали обвиняла мужа в том, что он поставил интересы карьеры выше семьи. Бросил семью ради работы. А он чувствовал себя глубоко преданным равнодушием Натали к его профессиональной жизни. Кроме всего прочего, узнал сначала про йога-Виталика, а потом и про Тимофея. Холодная война иногда переходила в горячую, тема развода стала главной фигурой в их жизни.

За пять часов до возвращения домой, Натали готовила ужин в секретной квартирке в Малом Левшинском. Уже сделала салат и теперь жарила мясо. Любовник должен был прийти ровно на час тридцать минут. Времени на ужин и секс было в обрез. Все чаще казалось, что их отношения не развиваются и остановились на сексе по расписанию. Про себя Натали употребляла более сильные выражения. Но любовник неумолим. У него дома – страшная жена, нельзя давать ей повод для подозрений, и к позднему ужину надо ехать домой. Завел второй

телефон, который отключал перед подъездом дома. Убеждал, что секса с женой нет лет десять. Ни секса, ни любви, только долг и нажитое непосильным трудом. Конечно, врал.

Жизнь наполнилась болезненным чувством унижения. Натали даже не называла любовника по имени. Только «этот». Что и стало темой очередного визита Натали к Косулину.

– Александр Львович, я так несчастна, так злюсь, вы даже не представляете! Вчера он просто пришел на полтора часа, сожрал свое мясо, трахнул меня, подарил кольцо и ушел! Я чувствую себя шлюхой, проституткой!! Он оскорбляет меня, пренебрегает мной. Возвращается потом к жене. Ненавижу его! – Она почти кричала, выпуская подавленные чувства.

Косулин слушал.

– Вы явно расстроены, но что же вы от него хотите? Что вы вообще хотите от этих отношений?

Он задавал ей этот вопрос уже много раз, и ответы каждый раз были уклончивыми.

– Я не знаю! Я запуталась! Сначала все было по-другому. Он обещал мне золотые горы: что мы будем ездить вместе за границу, сделаем бизнес... Я даже хотела родить ему ребенка! Понимаете, ребенка захотела ему родить... Третьего ребенка! Совсем чокнулась! А ему это не нужно. – Оливковые с коричневой сердцевинкой глаза сощурились. Натали обхватила руками голову, вздохматив свою модную прическу.

Косулин терпел три сессии, прежде чем спросить, как называется её прическа. Оказалось, платиновый боб, который Натали носила на одну сторону.

Психолог знал, что максимальное количество душевной боли люди испытывают, когда их отвергают биологически. То есть не хотят от них детей. Что в равной степени касается мужчин и женщин. А еще он знал, как сложно мужчинам признаваться в нежелании иметь от конкретной женщины ребенка, признаваться в отсутствии ресурса на детей. Мужчины говорят про деньги и ответственность, скрывая свой истинный биологический выбор, который часто не осознают.

– Это, действительно, очень обидно. Но разве вы сами не отказались разводиться с мужем, когда вопрос стал ребром?

Натали задумалась. Ум высушил слезы.

– Тогда я не захотела разрушать семью. Сын маленький. Муж собрал чемодан и скандал устроил. Дурак! Прощался с детьми, как в театре! Суицидом угрожал. Вел себя как обезьяна. Приматолог хренов.

– Кто ваш муж? Приматолог?

– Да, обезьяны – его лучшие друзья. В Москве обезьяны только в зоопарке. Он нашел грант на работу в Африке. Где-то между Руандой и Угандой, представляете? Собрался уехать на целый год. На год! И нам с детьми, конечно же, надо было отправиться в эту африканскую жопу вместе с ним!

Косулин оживился. Не знал ни одного приматолога, хоть и смежные профессии в некотором смысле.

– А что он там делал? Почему так надолго надо уезжать?

Натали объяснила:

– О, Боже! Там живут гориллы. Горилл на Земле мало, все перевелись. Муж считает, что обезьяны – это специальный вид, задуманный Творцом для карикатуры на человека.

– Приматологи – верующие? – удивился Косулин.

– Ну... не знаю. Кажется, они просто выпендриваются. Сидят на американских грантах в Африке и изучают эти карикатуры. Потом поедут шимпанзе наблюдать. Массовые убийства у шимпанзе его волнуют страшно.

– Массовые убийства?

– Ну да. Они никак не могут решить, нормально ли, что люди настолько агрессивные твари? И ищут у приматов подсказки. Так вот: шимпанзе мочат друг друга стаями. Органи-

зуют численное преимущество и нападают на чужаков. Либо просто убивают и занимают территорию и ресурсы. Могут еще отобрать женщин, то есть самок... Капитал и доминирование в Уганде. – Натали рассмеялась. – Мне этот бред не кажется настолько важным, чтобы бросать семью в Москве. Двое детей, вы представляете? У Веры репетиторы, у Алеши – живопись и архитектура. Денег на все это у него нет. На обезьянах много не заработаешь. Он хотел, чтобы мы поехали с ним. В Уганде, мол, дешево. Орал про жен декабристов, представляете? Декабристов! Я чуть не дрогнула. Вдруг поняла, что люблю его. Очень люблю его и не готова потерять. Кому еще нужны мои дети, кроме него? Тимофей как про развод услышал, сразу дал обратный ход. «Этот» вообще детей не любит! У него сын взрослый, внуки скоро будут. И никакого ребенка он не хотел. Это я хотела.

– Вы не поехали к гориллам. Сделали выбор.

– А муж сделал свой. – Натали опять стала задумчивой.

– Да. Хотя мог бы и устроить массовое убийство ваших любовников. Раз уж обезьянам все позволено.

Косулин представил картину в красках.

– Да уж. Мог. Но не стал.

Натали откинула платиновые пряди от лица и совершенно успокоилась. Злость неожиданно улетучилась. Хитрый психолог все же заставил ее говорить о муже.

Косулин помолчал немного.

– Натали, я вынужден задать вам важный вопрос. Без ответа на него нам сложно будет двигаться дальше. А вы сами, независимо от обстоятельств, от отношений со всеми этими мужчинами, хотели бы родить третьего ребенка?

– Хороший вопрос... Очень хороший вопрос. И очень сложный вопрос. С одной стороны, конечно, хочу. Просто хочу без всяких причин. Как животное. С другой, не хочу. Боюсь. И так хлопот много. С теми, которые уже есть. И потом, ребенок должен рождаться в любви, не просто так ведь? А у нас с мужем с любовью не очень. У нас столетняя война. Что это будет за ребенок? Если дети рождаются в войне. Так не должно быть. В моей астрологической карте есть третий ребенок, но от кого – не сказано. Может, из-за этого меня так разносит?

– Может быть. Вы влюблялись три раза за последние пять лет. То, что вы мне рассказали...

– Ну. – Натали погрустнела.

– Виталик, йог, был очень хорош, не женат, детей нет. Но мы с разных планет. Материально и социально. Не пара, что называется. Это мужчины могут уйти к стриптизерше, да и то ненадолго. А мне куда? С двумя детьми? У Виталика в голове Кундалини и свободные отношения. Человек-камасутра. Пеленок и детских садов там точно нет.

– А потом?

– Потом Тимофей. Я его любила всерьез. Красивый сильный мужчина. На первый взгляд. А на деле пустозвон и мальчишка, к тому же раб бывшей жены. Стоило ей свистнуть – сразу к ней бежал. К Олечке. И всегда предпочитал ее и сына мне. Ничего бы не изменилось. Я на вторых ролях не умею!

– Насколько я помню, он предлагал вам жить вместе. Но вы не решились.

– Конечно. Он то предлагал, то исчезал. Сегодня – давай жить вместе, завтра – я не могу разрушать твою семью. Зато меня разрушать он не стеснялся. Я очень быстро перестала ему доверять. Сразу как начались игры. Таким доверять нельзя ни в коем случае! Я вообще не понимаю, как «оно» живет?

Вроде взрослый человек, сын у него хороший... А его слово не стоит ничего!

– Вы сказали – «оно»? – удивился Косулин.

– Да, я только сейчас это поняла! Тимофей не женщина – не мужчина, нечто среднее – «оно»! Здесь и сейчас он на все готов, а завтра у него другое настроение! Я уже давно словам

не верю, только поступкам. А поступков не было. Любить его можно, уважать – нет. А как можно с мужчиной без уважения? Сказал – позвоню, не позвонил. Обещал приехать – не смог, тысячи отговорок, одна другой неубедительней. Получается, мужчина я, а не он. Или я его мама, а он непослушный сыночек. Это странно. Говорят, таких сейчас много. Это правда? Нарцы и абьюзеры заполонили постсоветское пространство, как говорит моя подруга.

– Правда. Обычных мужчин полно, но с нарцами и абьюзерами, как говорит ваша подруга, легко организовать драматические отношения. В них будет очень много эмоций, от которых легко впасть в зависимость. Из этих мужчин, другими словами, легко делать наркотики, не нарушая закона. Пережить что-то особенное. Я часто слушаю истории о таких мужчинах. В том числе и от них самих. Ну, и женщины такие бывают, – сказал Косулин веско.

– Я точно «сiju» на эмоциях, тут вы правы. Но я не согласна, что такие мужчины нормальные! Для женщины ускользание, игра – естественно, а для мужчины – нет! Мужчина не может быть безответственным. – Натали непримирима к гендерным ролям. – Я очень долго не могла смириться, надеялась, что он изменится. Мы сто раз сходились-расходились. Очень больно было. Тогда как раз решила, что пора к психологу... Но нет шансов договориться с людьми, которые не умеют договориться сами с собой. Понимаете? – Натали грустно взглянула на Косулина, ища понимания.

– Прекрасно понимаю, – согласился Косулин.

– А потом «этот» ... Он женат и разводиться не собирается. Его и так все устраивает. Тайная жизнь, адреналин. Может, он так жене мстит. Я думаю, за брачный контракт, по которому половина бизнеса при разводе ее. Тоска...

– Получается, что ни Виталик, ни Тимофей, ни «этот» – не годятся на роль вашего нового мужа и отца третьего ребенка.

– Получается, так. – Натали недоуменно взирала на Косулина, не понимая, к чему он клонит.

– Возможно, вы сами организуете жизнь так, чтобы не рожать третьего ребенка? Ничего не менять. Все эти сложные комбинации... неподходящие мужчины. Или перебираете, все еще надеясь найти вариант. Может, чтобы убедиться, что лучше мужа никого нет.

– Неподходящие варианты. Это правда. Зачем же я все так сложно устраиваю? Ради драмы? Чтобы жить было нескучно и было что вспомнить? – Натали смотрела мимо Косулина в окно.

– Ну, смысл точно есть. Не до конца ясно, что вы ищете. Меня больше всего впечатляет, что во всех этих мужчинах вы находите что-то общее – возвышенное, изящное, красивое... Вы говорили, что они все спортсмены.

– Да! Точно! Виталик и Тимофей серьезно на спорте «сидят».

– А «этот»? – Косулин усмехнулся.

– О! «Этот» из качалки не вылезает! Меряет себе мышцы каждую неделю. Хвастается кубиками на животе. Хочет, чтобы я ими восхищалась! О триатлоне мечтает. Придурок.

– Ох, вы злитесь на него.

– Злюсь. Но если я сама такого выбрала, значит, меня это устраивало, получается? Тогда чего злиться?

– Нуу... имеете право. Он вас сильно разочаровал.

– И что же я, по-вашему, ищу в них? Возвышенное, изящное? Сильное? Еще нежное! Они все гораздо нежнее меня. Меня это и покоряло. Да, точно! С ними я чувствую нежность. Как с детьми. И спортом давно пора заняться.

Натали задумалась, глядя в окно. Потом продолжила:

– В начале они мне казались другими. В них было духовное. Несбыточное, нереальное. Живое. А потом оно пропадало. И я разочаровывалась.

– А с мужем духовное есть?

– Нет, конечно! Было когда-то. Недолго. С ним борьба и быт. Не получается использовать его в духовных целях. Проблема! – Натали рассмеялась.

Время сессии кончилось, за дверью послышались шаги следующего клиента. Натали положила деньги на столик.

– Интересная сегодня получилась встреча. Есть, о чем подумать.

Подвиг

После полугода хождения к психологу Натали стало лучше. Иногда она даже смеется над своей ситуацией. Когда пришла, собиралась пить антидепрессанты. Даже купила, две недели пила. Потом бросила. Медикаменты для нее – опасный путь. Но сколько же пришлось пережить!

Много лет все было спокойно и предсказуемо. Дети, собака, искусство, электрогриль. И вот – вся жизнь кувырком. Она вспомнила, как после первой встречи с психологом долго шла пешком с Большой Ордынки в сторону Патриарших прудов, в свою галерею. Села на лавочку рядом с ленивыми бомжами, неторопливо наслаждающимися обедом. Хотелось плакать, однако, мирный и отвратительный вид бомжей останавливал слезы. Нет решения, нет решения...

Нет решения, как жить, если любишь сразу – мужа и любовника. Это не считается нормой – любить двоих сразу, спать с ними, делить с ними жизнь. Детям не рассказывают о том, что «так часто бывает». Им рассказывают сказки про единственную любовь на всю жизнь, про маму и папу, которые «встретили друг друга, полюбили, а потом появился ты».

Нет в этих сказках важного дополнения: «но до того, как они встретились и полюбили друг друга, они любили кого-то еще, и до тебя появился твой старший братик или сестричка». Или того лучше: «они жили-были, любили друг друга, ты появился, а потом разлюбили и полюбили других. И появился твой младший братик или сестричка.»

Для детей и это бы подошло: «жили-были твои родители, а потом папа полюбил другую тетю, и она родила ему. И появился твой братик или сестричка, но поскольку он продолжает любить твою маму тоже, то все остается по-прежнему, только вот есть еще... братик или сестричка».

Если бы ей сказали подобное, а не оставили в детском неведении! Сказали бы: «Твоя мама полюбила твоего папу. Но у папы уже была семья. Так бывает. Они оба тебя очень любят». Лучше же, чем мамино: «Ты ему никогда не была нужна. Совсем».

Научных исследований, сколько людей поддерживают по жизни разные параллельные связи, еще не провели, но наблюдение не обманывает – связей множество, и они существуют как норма в силу количества людей, поддерживающих такую практику. Обычное хитроумие. Ното, при котором практика есть, но нормой она не считается. Сложносочиненные системы лжи поддерживают видимость приличий. И ведь действительно, спросите у тех, кто живет так долгими годами и десятилетиями, – считают ли они нормальным любить двоих сразу? Скорее всего – ответ будет отрицательный. Так что никакого готового решения у Натали и быть не могло.

Белые лебеди плавали по кругу Патриаршего пруда, жадно ища под водой пищу. «Как же у них получается, – думала Натали, смотря на слаженные движения белой пары, – почему не появляется третий лебедь? Вот и мне бы плавать вместе до смерти, заботясь в основном о том, что скрыто под водой. Как же я ненавижу себя... У меня никогда не получалось просто радоваться жизни – тому, что есть. Мама звала неблагодарной дурой и была права!»

Она оборачивалась по сторонам, ища в тени балконов красивых домов, окружавших Патриаршие пруды, хулиганских и жестоких античных богов, пославших ей испытание любовью явно для собственного развлечения. Чувствовать себя игрушкой судьбы было, с одной стороны, приятно и безответственно, с другой, совершенно лишало устойчивости, так свойственной современным женщинам, верящим в то, что они сами творят свою жизнь.

«Я сама могу все решить, все изменить, я рулю своей жизнью, у меня есть выбор!» – сколько раз она повторяла модные слова, казавшиеся сейчас пустопорожней болтовней.

К психологу советовала сходить Ирина, давняя подруга. Сама ходила в тяжелые времена, когда муж загулял. Мужа удалось вернуть и после двух лет терапии даже простить и, уж что самое невероятное, – начать с ним разговаривать и заниматься хорошим сексом, что принято было считать делом решительно безнадежным. Натали рассказала Тимофею, что собирается к психологу. Он тоже дал телефончик. Так, разрекламированный Александр Львович Косулин и познакомился с Натали. Ей понравился его четкий подход, он явно разбирался в такого рода ситуациях. И предложение ничего не решать, а спокойно исследовать, что происходит в ее жизни последнее время, показалось настоящим спасением и вожделенной передышкой.

Жалоб и проблем за жизнь накопилось множество – скрытая неуверенность в себе, фоновое ощущение постоянной вины перед всем миром, путаница в личной жизни. Женский расцвет заканчивался, молодые красотки наступали на пятки, а счастья в жизни личной не было. Неужели это все? Ничего уже не будет? Работа, дети, работа... Она почти прекратила общаться с матерью и чем старше становилась, тем тяжелее давалось ей даже формальное общение.

Мать, несмотря на пенсионный возраст, продолжала, как и в детстве Натали, много и тяжело работать в государственной медицине. Острые кардиологические больные требовали к себе полного внимания, и Натали отчаялась получить хоть что-то для себя и своих детей. Разговоры с матерью стали обменом ничего не значащей информацией. Мама понятия не имела о хаосе, творящемся в личной жизни дочери. Впрочем, личная жизнь Натали никогда ее не интересовала. Натали не понимала, почему родители, которые считают своим долгом научить детей есть, ходить, писать, читать, соблюдать правила дорожного движения, одеваться и вежливо разговаривать, не считают своим долгом передачу опыта о чувственной сфере жизни. Мама никогда не говорила с Натали про чувства. Если бы Натали не была уверена, что мама ее родила, она бы сомневалась, что мама вообще когда-нибудь общалась с мужчинами.

Подтвердив материнские подозрения в распутстве, Натали рано стала матерью. Дочь, рожденная в любовной истории юности, в стыдном «тренировочном» браке, несравненная Вера Гроза быстро выросла, обогнав Натали в размере груди, росте и жажде жизни. Натали узнавала в дочке себя и мучилась старыми, не прощенными грехами. Много чего хотелось рассказать Косулину. Но не сразу. Все скелеты не поместились бы в кабинете.

Белых лебедей тем временем пришла кормить старая неопрятная женщина, любящая животных больше, чем людей. Людей она проклинала, с животными делилась последним. Лебеди вытягивали свои толстые змеиные шеи за хлебным угощением, и один кусал другого, отталкивая от летящих кусочков черствого хлеба.

– Кусается самец, – подумала Натали.

Восхищение моногамией лебедей сменилось отвращением к их алчной прожорливости. Последнее время ее часто тошнит, и она не беременна. Косулин уверяет, что восстановление функции отвращения – большой шаг к возвращению покоя в душе. Добавлял, что самое время курить меньше или перестать вообще. Натали удивлялась – действительно, сигареты стали на вкус противнее прежнего во сто крат.

Скоропостижная поездка в Грецию на загадочный остров Эгина стала настоящим подарком судьбы. Молодой иконописец с нелепым именем Дионисий Иванов уговаривал Натали заняться продажей его шедевров. Писанный топорно Христос в майке с надписью «Вперед!» произвел впечатление на важном арт-салоне, после которого художник нетерпеливо ждал успеха. Натали смотрела на Дионисия Иванова с недоверием, никак не понимая, что им движет – благая мысль создания неканонической современной иконы или банальное желание коммерческого успеха. Она внимательно рассматривала быстро пьянеющего Дионисия, пытаясь разглядеть его истинную художественную суть, но та не разглядывалась. И вдруг Дионисий Иванов предложил свозить его картины в Грецию, в одну афинскую галерею, прочесть там

лекцию об иконе как перспективном жанре современного искусства и заодно подумать о более тесном сотрудничестве. Расходы пополам.

Возможность сбежать из школьной Москвы, готовой уже к плановой осенней депрессии, бросить семью, заказчиков и любовника – прельщала невероятно. Опустошенная эмоциями, Натали злилась и отчаивалась, но плотный график не позволял расклеиться. Даже эмоциональные срывы приходилось планировать. Намекнула «этому», что рада была бы видеть его, плавающим рядом в полосато-фиолетовом Эгейском море. Сделал вид, что намек не понял.

Муж утомлял ревностью и нытьем. Только Косулин был настроен позитивно и поддержал идею греческого побега. Натали, выйдя от психолога, пошла и купила билет на самолет, поставив всех перед фактом. Муж противно гундел про школьное расписание, дочь возмущалась, не понимая, зачем мамочке нужно продавать картины в Греции. Только Алеша был счастлив от обещания привезти из Греции леденец на палочке.

Натали всегда чувствовала вину, когда оставляла семью без теплого крылышка. Хорошая мать должна любить свою семью с утра до вечера и заботиться о ней с вечера до утра. Сия теория утвердилась по причине отсутствия у нее самой такого опыта. В детстве почти все время была одна, мама часто брала в больнице дежурства. Соседка, милая женщина, снабжала Натали книгами. Вместо сказок рассказывала мифы и легенды Древней Греции, что на впечатлительную Наташеньку очень влияло. Среди друзей детства оказывались древние боги. И даже первая влюбленность случилась в блистательного Гектора, героя «Илиады», впрочем, убитого Ахиллом. Всегда ее тянуло к неудачникам! Выбор профессии искусствоведа стал ясен класса с седьмого. Мама была ни за, ни против. Но изобразительное искусство, которым дочь зарабатывала на жизнь, было от ее жизни непоправимо далеко.

Постепенно в ходе терапии у Натали сформировалось представление о важной точке отсчета, которой являлся для нее жизненный путь матери. Косулин, поглаживая свою шоколадную бороду, ладно объяснял, что у женщин есть всего два пути в жизни: *быть как мать и не быть как мать*. Натали всегда хотелось идти по второму. В юности любая похожесть на мать вызывала отвращение, а после тридцати, когда эта схожесть стала обнаруживаться часто и неожиданно, Натали стала об этом думать. Муж подливал масла в огонь, приговаривая, поджав губы и обвиняя в эгоизме, – «ты стала как твоя мама».

Все чаще, ссорясь с дочерью, она краем глаза улавливала в своих интонациях жестокие нотки, которые так ранили ее в детстве. Скрытой частью души она безмолвно кивала дочери: «Детка, прости, я знаю, как быть сейчас на твоём месте». Мучилась виной и раздумьями о том, что ей удалось стать такой же плохой матерью, как ее собственная.

Однажды на терапии осознала, что жестка с дочерью только потому, что ожидает от нее осуждения, подобного тому, которое чувствовала к своей матери в подростковом возрасте и позже. Она осуждала мать за то, что та прервала отношения с отцом, что гордость оказалась важнее интересов дочери. Косулин объяснял, что она использует *проекцию* (базовый психологический механизм), согласно которому бессознательно ждет от своей дочери того, что сама испытывала к матери. Будто пришла ее очередь быть наказанной. И злится на дочь заранее. Возможно, напрасно.

Косулин был уверен в том, что, только признав в матери независимое человеческое существо, со своим отдельным безумием, которое нельзя вылечить, можно выйти из матрицы двух путей и идти по третьему – своему собственному. Впрочем, добавлял, что задача сложная и удаётся единицам. Большинство до глубокой старости не желает видеть в матери ограничения, присущие всем людям, зависая навсегда в обиженной детской надежде на то, что где-то в этом мире живут матери «получше», но именно им не повезло их встретить. Или пытаются «вылечить» мать, сделать ее счастливой, разочаровываясь от стабильных неудач и неблагодарности. Каждый должен лечиться на собственном опыте – психолог был непоколебим.

Натали недоверчиво спрашивала: неужели это вообще реально – наладить с мамой нормальные отношения? Косулин честно отвечал, что удача не гарантирована. Однако можно перестать на нее обижаться и перестать себя винить за то, что похожа на мать. Можно понять причины ее поступков. И перестать неосознанно зависеть от материнской жизни.

Еще большим открытием для Натали стало то, что ее отношения с мужчинами так зависели от отношений с отцом. Точнее, от отсутствия этих отношений. Михаил Дмитриевич Думов исчез из жизни Натали очень рано, она едва его помнила. У него была другая, «настоящая» семья. «Настоящие» дети. Даже фамилии отцовской не досталось. А мама магистральной линией воспитания дочери сделала «вытравливание отцовских генов». Натали от такого воспитания закрыла нутро на все замки.

Сейчас, под угрозой потери семьи, Натали отвечала на жестокий вопрос: кто все-таки руководит ее жизнью – она сама или отражение ее детской травмы?

Косулин считал, что она не доверяет мужчинам, потому что боится, что ее бросят. Как когда-то бросил родной отец. Так и было. Муж бросил ради обезьян, Виталик ради свободы и независимости, Тимофей ради себя, «этот» – ради стабильности. В душе Натали жажда мести мужчинам и их любви сплетались в неистовой битве, и что победит, оставалось большой загадкой. Она осознала с помощью психолога, что все придется решать самой, что никто и никогда не решит за нее вопросы ее индивидуальной судьбы и истории.

Но как велик соблазн ввалиться в освобождающий регресс, перестать понимать что-либо, перестать нести ответственность, стать опять маленькой пятилетней девочкой! Отдаться сильным чувствам! Когда мотив мести перевешивал, глубоко-глубоко внутри, под слоем хороших, годами сформированных психических защит начинал донимать вопрос: почему и как так получилось, что отец ее бросил? Как вообще можно бросить своего ребенка? Неужели она была так нехороша? И почему она теперь вечно ждет от мужчин того же. И не доверяет им из самой глубины подсознания.

Вместе с тем, компенсируя детскую боль, воображала про отца бог знает что. Ей казалось, что Михаил Дмитриевич Думов настоящий аристократ и естественно не смог бы жить с мамой – женщиной простой и даже грубой. Наследуя воображаемый аристократизм, Натали обрезала материнскую фамилию Монтова, превратившись в Натали Монт. Стала искусствоведом, завела собственную галерею, тщательно выстраивая образ успешной женщины «из другого времени». Сдружилась с обаятельным учителем французского. Семен Михайлов играл на электронной трубе и даже пел по-французски. Он и познакомил её со старшим братом, Тимофеем, с которым получился страстный и безнадежный роман. Шпионский адреналиновый роман, где все друг друга знали. Даже их дети близко сдружились. А они расстались.

Уже несколько раз в терапии всплывала тема возможного знакомства с отцом. За последние двадцать лет Натали не раз собиралась сделать это. Но каждый раз не решалась. Обессиливала от ужаса и страха отвержения, в один миг возвращаясь в глубокое детство, в полной беспомощности замирая перед огромной пустотой. Пустотой, жаждущей образа человека, который подарил ей жизнь.

В Афинах управилась за день, умудрившись продать шедевры Дионисия Иванова – задорного Христа и уверенную Богоматерь в желтом платье. Осталось два наградных свободных дня. Волшебный остров Эгина расположился всего в сорока минутах морем от Афин. И заманивал Натали главным сокровищем – храмом Афайи, а встретил медовым апельсиновым воздухом, нагретыми пиниями, расслабленным немногочудьем. После блестящей стремительной Москвы и душных Афин время остановилось. Уютный крошечный отель, таверна. Все любимое из местной кухни: греческий салат, цацика и жареные сардинки. Ела их вместе с костями, запивая холодным белым вином.

Купаться не хотелось. Разомлев от еды и жары, забралась под белую губчатую скалу, расстелила полотенце и улеглась голышом смотреть на нежные ветки пинии, закрывающие

яркое греческое небо. Задремала, во сне ощущая, как ветерок скользит по ногам, задувает в ушко, гладит по освобожденной от одежды попе. В полудреме смотрела на свою жизнь как будто издали. Из заграницы. Представила себя маленькой девочкой.

Крепенькая, розовое платье в клубничку, белые волосы совсем выгорели, подперла ручкой голову и думает. Глаза грустные и взрослые. В детском садике одиноко... Ни мамы, ни папы. Впереди только борьба с воспитательницами за право не есть ненавидимую до тошноты манную кашу. Мир – несправедливое и опасное место, где много врагов и мало защитников. Взрослое сердце Натали сжимается от жалости к маленькой Наташеньке в платьице в клубничку.

Как когда-то предложил сделать психолог, в своей фантазии она подходит к девочке, садится рядом. Прижимает к себе, гладит по голове, целует. Успокаивает: больше никто не заставит есть манную кашу, все хорошо, ты победила! И впереди все не так уж плохо. Маленькая Наташа замирает, верит и не верит. И спрашивает, заглядывая в душу большой: правда, правда? Ты меня не бросишь?

Натали вздрогнула от внезапной мысли: я ведь опять попалась! Детский страх быть брошенной был самым сильным. И раньше она его совсем не сознавала...

Глядя на нестерпимо яркое полосатое море, цвет которого ежеминутно менялся, становясь то отчетливо бирюзовым, то драгоценно аметистовым, Натали вспоминала разговор с психологом.

Она влюбляется в похожих мужчин. На самом деле мужчины разные, но испытывает она с ними одно и то же. Нежность, слабость... Нежность делала Натали слабой, маленькой девочкой. Которая теряла себя в любовных отношениях.

Прикидывающийся вечным греческий день отправлял в детство. К незнакомому отцу, в беспомощность и слабость. В нерешительность познакомиться с ним заново, рискнуть встретиться, будучи взрослой женщиной. Задать те вопросы, на которые всю жизнь ответов не было.

Психолог предполагал, что для этого и появились новые мужчины в ее жизни – помочь сделать это сложное дело. Потому что, мол, дальнейшее развитие Натали от этого зависит.

Косулин был помешан на развитии и движении. Убеждал, что ее ситуация требует сложного действия. Подвига. Встречи с детским страхом. То есть, якобы Виталик, Тимофей и «этот» появились для того, чтобы она восстановила отношения с отцом! И избавилась от страха, стала

свободной. А потом уж решала, что ей делать дальше. Натали то соглашалась, чувствуя, что Косулин говорит правду, то сопротивлялась. Кисло думая, что психология – бред, а психологи – идиоты. А настоящая любовь невозможна без страданий. Страдания – это красиво! И отец здесь вообще ни при чем.

Косулин с ней не соглашался, становился противным и неромантичным. Даже сердился: если есть свобода и нет страха – нет никаких страданий! Есть страдание, значит, происходит духовная работа, и ей Натали сопротивляется, предпочитая зависать и мучиться. Впрочем, всячески поддерживал, говорил, что для качественного завершения ситуации нужно время.

Московские мысли все крутились и крутились в голове, не давая расслабиться и отдалиться греческому ощущению времени и культуры, в котором все уже случилось в прошлом и одновременно существует в настоящем. «Подвиг так подвиг – поеду молиться. Самое место», – сказала себе Натали.

Взяла в прокате смешной красный квадроцикл и помчалась вдоль моря. Указатели настойчиво звали в святые места. Храм Афайи стоял высоко на горе и удивлял конкуренцией с Афинским Акрополем. Он ее выигрывал. Стройность, точность и сила храма так контрастировали с происходившим внутри, что сначала даже не получалось подойти. Долго ходила кругами, пытаясь привести себя в соответствие с античной мерой и мыслью.

Дикие японские туристы, расстреливающие фотоаппаратами пространство, наконец-то ушли и вернулась никуда не спешащая тишина. Натали, прячась, проникла в храм (это было запрещено), сняла обувь и легкой тенью, на цыпочках устремилась к центру. Продуваемый четырьмя ветрами храм в своем сердце обнаруживал место полного безветрия и покоя. Замерев в мгновении вечности, Натали упала на колени и стала горячо молиться Афайе, отвергнувшей нечестность и насилие в любви и награжденную божественностью и покоем. Живое изображение искусствоведа показало вдалеке голую бегущую Афайю. Пышные волосы в античном венце, юношеское лицо... Что она чувствовала в тот момент, готовая на смерть, лишь бы не осквернить себя любовью страшного Миноса? Неужели он был так плох? Как трагичен античный мир! Судьба, Рок. Без надежды на рай. И жизнь для подвига и исполнения пророчеств нетрезвых пифий. Как прекрасен и честен этот мир! Все иллюзии развенчаны и остается только то, что приготовили тебе боги.

Натали в античном экстазе молила Афайю избавить её от иллюзий и дать сил пережить истинную судьбу. Афайя ласково обняла Натали, вдохнула в ушко любовь и растворилась в свежем храмовом воздухе.

Вечерело. Полосатое Эгейское море обрело сизую цельность, легкий ветер гнал волны к берегу. Натали вернулась в отель, уселась на балконе своего номера, глубоко вдохнула живой соленый дух и сделала то, что собиралась сделать тридцать лет. Начала первый взрослый разговор с родным отцом:

Письмо отцу

Здравствуй, отец! Мне хотелось бы называть тебя папой, но поскольку мы не знакомы, это кажется мне неуместным. В общем, я не знаю, как тебя называть... И как говорить с тобой тоже... Я даже не знаю, как ты выглядишь. Помню только смутное ощущение тебя, ведь с момента нашей последней встречи прошло 30 лет. Наверняка, мы бы не узнали друг друга, даже столкнувшись лбами. Много лет я хотела с тобой познакомиться, несколько раз решала твердо. Очень сложно жить, когда не представляешь себе своего родного отца... В глубине души живет дыра, в которую нельзя заглянуть. Очень важная часть тебя отсутствует, и ты пытаешься ее чем-то заполнить, но это оказывается невозможным. Я искала тебя в мужчинах. Не находила и не могла простить им того, что ты исчез из моей жизни так внезапно. Я до сих пор не могу понять, почему мама так ненавидит тебя? Почему ты не дал мне свою фамилию? Сколько буду жить, не смогу понять! Если ты, конечно, не объяснишь мне сам.

Так вот: много раз я искала встречи с тобой, просила маму помочь, она даже обещала, но потом ничего не вышло. Представляешь, как-то раз я целый час сидела во дворе твоего института (я знала, где ты работаешь) и ждала случайной встречи. Надела черные очки и спряталась за ноутбуком. Как шпион. Час глупо просидела. Это было год назад. На большее я не была готова...

А потом я полюбила мужчину. Не мужа. И неожиданно для себя поняла, что отношусь к нему так, будто это ты: не доверяю и ненавижу его за то, что ты меня бросил. И отчаянно хочу любви, признания и доверия... Мне бы хотелось, чтобы ты мной гордился. У меня есть дети, хорошая профессия... Я разбираюсь в искусстве. А какой ты? Вдруг я не понравлюсь тебе, а ты не понравишься мне, если мы встретимся? Боюсь увидеть в тебе все то, что не люблю в себе. И боюсь, что ты опять отвергнешь меня... как в детстве. Пишу и плачу. Но хотя бы могу писать! Долгие годы это было невозможно – чувства затапливали с головой. Мне помогают хорошие люди, и я хочу нашей встречи.

Натали Монт

(Мне кажется, что именно ты называл меня Натали в детстве?)

Монт – я переделала мамину фамилию.)

Довольная Натали улыбнулась Эгейскому морю. Задание Косулина выполнено. Терапевтическое письмо написано. Она – молодец!

Достала письмо уже в самолете, по дороге домой. Прочла. Заметила ошибку. Исправлять не стала. Задание выполнено. Пора двигаться дальше.

На очередную встречу с Косулиным принесла написанное письмо отцу. Он предложил его прочитать вслух. Он читал, а она слушала. Плакала... Психолог ею гордился – результаты терапии были очевидны.

Теперь приступили к плану духовного подвига – так они называли предстоящую встречу Натали с отцом. Основным препятствием оказалось то, что Натали не хотела сама делать первый шаг. Состояние брошенной пятилетней девочки возвращалось сразу, как только она брала телефон в руки.

Понадобилась помощь посредника. Простое решение сразу воодушевило и сделало подвиг реальным и выполнимым. Детали, однако, обсуждали месяц. Натали никак не могла решить, кто мог бы стать посредником между ней и неизвестным отцом. Наконец, ее лучшая подруга Ирина не выдержала и предложила помочь. Оставалось сказать финальное «гав», и Ирина вступила в игру. Она нашла Михаила Дмитриевича Думова в институте, где он руководил кафедрой исторических исследований. Человеком он оказался солидным, известным

своими трудами о личностях великих политиков. Ирина связалась с ним, сказала, что представляет интересы Натали Монт. Он не сразу понял.

– Натали Монт, ваша дочь, хотела бы с вами встретиться.

Пауза.

– Да... Конечно... Натали Монт? А почему она сама не позвонила?

Михаил Дмитриевич звучал взволнованно, и реакции будто запаздывали.

– Понимаете, вы так давно не виделись... Она стесняется, не знает, как вы отнесетесь к этой идее. Ирина говорила мягким, все объясняющим голосом.

Михаил Дмитриевич начал приходить в себя.

– Конечно... А когда?

– Завтра вечером, часов в шесть. Около вашего института есть симпатичное кафе – «Кофе и марципаны», знаете?

– Да, да.. знаю. А она придет? – Михаил Дмитриевич все еще не верил в реальность происходящего.

– Придет. Обязательно. Удачи вам!

Натали ждала окончания этого разговора в соседней комнате. Нарезала круги по комнате. Забралась под одеяло. Устыдившись того, что залезла в чужую кровать, вылезла, аккуратно поправила покрывало и встала у окна. О чем они так долго могут разговаривать? У меня все получится, повторяла Натали, шутливо успокаивая себя: со мной Бог и психолог!

На следующее утро наступил «тот самый день». К тому же совпал с настоящим солнечным затмением. Сначала Натали расстроилась, – астрологи считали дни затмения неблагоприятными, а астрологию с недавних пор она уважала. Но увидев тысячи клерков, в тишине затмения наводнивших московские улицы, с раскрытыми ртами рассматривающих в стеклышки и cd-диски затмеваемое Солнце, передумала. Сегодня чудо не только у нее.

Удачно продав детский портрет Зинаиды Серебряковой, Натали с утра распевала от радости. Не сам портрет, конечно, а эскиз. 150 000 тысяч долларов уютно легли в рабочий сейф. Давно ей так не везло. Комиссионные позволят не думать о деньгах пару месяцев. И ее ждет наглый шоппинг!

Натали спускала на шмотки «состояния», как говорил ее муж, считающий каждую копейку. Она заехала в магазин и долго выбирала наряд: остановилась на кокетливом, немного детском розовом платье. В конце концов, когда они виделись с отцом в последний раз, ей не было и пяти. Интересно, он ее помнит?

До встречи оставалось два часа. Тревога росла, коленки тряслись, и стало сложно вести машину. На глаза попался салон красоты. Унять тревогу маникюром – правильное решение. Пока узкоглазая маникюрша с забавными тонкими косичками делала маникюр, Натали вся извелась. Маникюрша строго попросила сидеть спокойно, а потом неожиданно сменив гнев на милость, уговорила покрасить ногти ярким, пунцовым цветом, хотя Натали таким никогда не красила. Сразил ее последний аргумент, что именно с такими ногтями женщина способна на подвиг. И если она сделает красные, все будет хорошо. Простенькая магия маникюрши успокоила Натали. С новенькими красными ногтями, так красиво подчеркивающими нежный розовый цвет платья, Натали доехала до «Кофе и марципаны». С трудом запарковалась, правая нога все время подпрыгивала. Вышла из машины и сразу увидела отца. Он стоял перед кафе и ждал ее.

– Привет...

– Привет...

Хорошо, что есть официанты, одежда, столики и меню – можно за все это спрятаться.

– Как же нам называть друг друга? – спросила Натали.

– На «ты»? – предложил Михаил Дмитриевич.

Сидели. Молчали, рассматривали. Сначала украдкой, потом не стесняясь, открыто. Натали знала, что не похожа на отца. Она блондинка в мать, он когда-то был кудрявым брюнетом. Но сходство все же нашлось. У них были до смешного одинаковые, под копирку сделанные носы – орлиные, породистые носы с горбинкой. Она ощутила своеобразное «биологическое» волнение. Находить свой нос удивительно похожим на нос мужчины-отца, сидящего рядом, – чудесное новое впечатление. Люди, растущие вместе с родителями и воспринимающие свое с ними сходство или несходство как изначальную данность, никогда не поняли бы ее.

Натали захватила свобода. Ожидался наплыв чувств, стыдная неловкость, слезы. Оказалось иначе. Час пролетел незаметно: рассказывали друг другу о главном, что случилось в их жизнях за последние тридцать лет. Ей удалось задать те самые «страшные» вопросы: почему он столько лет не предпринимал никакой попытки встретиться? Любили ли они с мамой друг друга? Любил ли он ее?

Михаил Дмитриевич был уверен, что она его не помнит. Видно было, что говорит правду. Роль безразличного отца-предателя, навязчиво выдаваемая памятью детства, сейчас виделась одномерной и картонной. Ее играли только одной нотой – материнской.

Косулин говорил, что нужно раздобыть другие звуки, краски, другие оттенки, чтобы образ отца получился реальным, а не схематичным, как в плохой драме. Найти другую версию реальности, кроме материнской, в которой отец представал безжалостным эгоистом, совершенно безразличным к судьбе дочери. Тогда эти реальности можно будет сложить и обрести тот самый «третий путь» – свой, отстраненный от неудавшейся любви родителей, взгляд на вещи.

Она искала свежие краски и находила. Оказалось, что мама в какой-то момент прекратила всякое с ним общение. Настаивала, чтобы он развелся, но он не собирался и никогда ей не обещал. Материально поддерживал. Устроил Натали в хороший детский сад, куда она так не любила ходить. А потом скандалы и окончательный разрыв. Он появлялся пару раз, но Натали совсем не рада была его видеть.

На монстра отец не тянул. Немолодой уже мужчина, усталые глаза. Она знала от Семена, что у нее есть младшая сестра и старший брат, но не видела их фотографий. С экрана телефона смотрела Даша Думова – пышная черноволосая девушка с морскими глазами. Михаил Дмитриевич на нее жаловался. Хамит, отца не слушает, скандалит. Он понятия не имеет, в чем провинился. Про то, что скандал на дне рождения Даши сопровождался его разоблачением и ее, Натали, предварительным «появлением на сцене» – умолчал.

Под конец спросил, знает ли она, что ее фамилия Монт в переводе с французского означает «гора». Натали не знала. Зато внутри сложился важный пазл: новая фамилия, храм на горе, ощущение, что ее трясет от землетрясений весь последний год, поиски возвышенного.

Натали ехала домой совершенно счастливая. Она много лет ждала этого, делая ставку на чудо: что сам факт их встречи изменит всю ее жизнь, избавит от страха, тревоги, сделает свободной. И решит ту самую невозможную ситуацию, в которой она жила последнее время. Сейчас ехала и внимательно прислушивалась к себе – что изменилось?

Так пьют таблетки суициденты – выпьют и сразу начинают ждать и слушать. Чтобы поймать ту самую секунду, когда начнется необратимый процесс. Но с ней ничего особенного не происходило – только дыхание стало легким и ощущение праздника продолжалось. Легкое разочарование уже маячило на краешке души. Косулин сравнивал ее ожидание чуда с волшебной фишкой в казино, которую подарила в детстве фея. Осталось только вырасти, подождать тридцать лет, прийти в казино и все поставить на zero. И, конечно, выиграть. Однако фанфары звучали тише, чем положено, конфетти не падали с неба, птичка не вылетала из фотоаппарата.

На первый взгляд, после встречи с отцом ничего не изменилось. А через неделю Натали нашла себя другой. Внутри странно успокоилось, сердце перестало все время ныть и щипаться, настроение превратилось в бесконечный ровный горизонт. Сильные чувства исчезли, оставив

осколки прошлых переживаний и благословенную пустоту. Привычные многолетние тревоги растворились. На их месте не было ровным счетом ничего.

Косулин заботливо предупреждал, что на месте старой травмы человек иногда стремится создать новую, заменив старые страдания более свежими. Важно не торопиться, прожить этот период спокойно. Натали слушала себя.

Реальность оказывалась правдой, которая не нравилась. Трусливые поступки любовника стали непреложным фактом, без всякого романтического оправдания. Слезы, перманентно кипевшие в уголках глаз, испарились. Натали повзрослела за какие-то пару недель на много лет. Все нужно решать самой. И всегда так было – я просто на время забыла об этом, – грустно улыбалась себе исцеленная Натали.

Психолог восхищался ею и даже завидовал. Ее мужество в стремлении к душевной правде и равенстве себе было так велико! Он засомневался в себе, не находя похожего. В свое время ему понадобилось 5 лет терапии, чтобы решиться на свой духовный подвиг – поговорить с матерью о младшем брате. И наконец сказать ей, что он не виноват в его смерти. Пять лет подготовки, сомнений, осознаний, слез, кризисов и поиска подходящего момента! Натали уложила в год. Мужественность женщин впечатляла психолога. Чувство страха, базовое чувство всех без исключения Ното, преодолевалось женщинами лучше, чем мужчинами.

И пока Косулин восхищался Натали, она задавала новые вопросы. Что же такое отчаяние? От чаяния, нет желаний – нет страданий. В страдании много неисполненного. Обнаруживать себя взрослой женщиной без желаний – страшно и совсем не сексуально. Кто же она? Мать, жена, дочь, любовница, искусствовед, арт-дилер? Как она на самом деле относится к мужу, к своей семейной жизни? Во что она верит, какие ценности поддерживает? Сейчас не получалось идентифицироваться ни с одной из ролей.

Волнение и радость, которую испытывала Натали, когда получала письма от Михаила Дмитриевича, светила яркими окошками в повседневности. Он писал ей добрые письма и во всем поддерживал – Непривычно и приятно. Однако Натали не позволяла развиваться очередной иллюзии: состоятся ли их отношения с отцом, она понятия не имела. Не знала даже, хочет ли этого. Косулин предупреждал, что в таких ситуациях полноценные отношения складываются редко. Заполнить пустоту непрожитых вместе лет трудно. Натали ждала и никуда не торопилась, привыкая к свободе от сильных чувств. Мысли и чувства больше не будоражили, а проплывали рядом, на небольшом расстоянии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.